

Ануш Мирзоянц

ГОЛОС ЕДЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ануш Мирзоянц

ГОЛОС ЕДЫ

<https://litres.ru/73969586>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга о мечте.

И о том, какие удивительные двери она перед тобой открывает, если отпустив страхи и сомнения, услышать её голос.

В моем случае эти двери с большой должностью в антикризисном управлении привели меня на кухню. Я сделала свою детскую мечту профессией и ни разу об этом не пожалела.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	96

ГОЛОС ЕДЫ

Глава

ГОЛОС ЕДЫ

Роман о еде и с едой.

Литературный редактор Татьяна Покидаева.

Художник Анна Пинчук.

Содержание:

Вместо предисловия.

Глава 1: Подарок от мироздания

Глава 2: Детство

Глава 3: Бабушка Сирануш

Глава 4: Папа

Глава 5: Моя хашлама

Глава 6: Мама

Глава 7: Бабушка Маша

Глава 8: Моя Цицино

Глава 9: История первой победы

Глава 10: Магия борща

Глава 11: Взросление

Глава 12: Анушкина гречка

Глава 13: Немного серьёзности

Глава 14: Замороженное чудо

Глава 15: Ануш сказала

Глава 16: Женщина, которая разговаривает с едой

Глава 17: Знак качества

Глава 18: Как я пришла на кухню

Глава 19: Быстрорастворимые отношения

Глава 20: Рецепт идеального кофе

Глава 21: Сибирский характер

Глава 22: Режиссёр всея Руси

Глава 23: От посудомойки до кулинарной богини. Начало

Глава 24: Тот самый паштет

Глава 25: Что такое настоящая кухня

Глава 26: Один день в ресторане

Глава 27: Армянские хроники.

Глава 28: Арцах

Глава 29: Люди Карабаха

Глава 30: Копчёный сиг

Глава 31: Разговор с папой

Глава 32: Как разговаривает еда

Глава 33: Дорогомиловский рынок

Глава 34: Слезы в Альпах

Глава 35: Кухня настроения

Глава 36: Оранжевый фартук

Глава 37: Несколько практических хитростей

Глава 38: А теперь серьёзно

Глава 39: Неэкспертный эксперт

Глава 40: История одного шоколадного торта

Глава 41: Продолжение следует

Список рецептов

1. Хапама
2. Хашлама
3. Бибиревская фритата
4. Лобио из зелёной фасоли
5. Пахлава
6. Борщ
7. Бульон
8. Идеальный кофе.
9. Торт «Наполеон»
10. Салат «Мимоза»
11. Паштет из печени
12. Яичница Сарьяна
13. Рыба в быстром маринаде

Посвящается моим невероятным родителям и моей семье - во многом благодаря вам я такая, какая есть и какой меня знают. Моим потрясающим, чутким, тонким редакторам, Нино, Ольга, Татьяна - книга рождалась долго и во многом благодаря вашей поддержке появилась на свет. И конечно, моим друзьям и подписчикам, всем, кто много лет ждал эту книгу, - спасибо, что прошли этот путь вместе со мной.

...

У меня с детства особые отношения с едой. Вернее, так:

у меня с ней – да. У неё со мной – нет. Более бесталанного, не приспособленного к еде человека невозможно было представить. Меня с малых лет завораживала еда и всё, что с ней связано. Когда мама жарила картошку, мне казалось, что это какое-то волшебство. Весь дом, словно по взмаху палочки невидимого дирижера, наполнялся музыкой звуков и запахов. Дирижёром была мама, которая ловко управлялась с ножом и создавала свою собственную кухонную симфонию в чугунной сковороде. Я зачарованно наблюдала, как картошка сбрасывает кожуру, которая закручивается длинной спиралью и уныло падает в пакет. Следом раздавался задорный бульк - это уже очищенная картофелина плюхалась в эмалированную миску с водой, к своим собратьям. Потом чиркала спичка, мама зажигала плиту и ставила сковороду на огонь. Дальше хрустящий репчатый лук шинковался полукольцами, и - мой самый любимый момент - одним молниеносным движением ножа отправлялся с разделочной доски в шипящее масло. И тогда начиналась феерия вкуса. Будь это концерт, тут был бы момент, когда после нежных смычковых в дело вступают задиристые духовые. Через пару мгновений от сковороды начинал исходить тот самый манящий - с детства знакомый, уютный и сладкий - запах жареного лука. Следом отправлялась картошка, тоже нарезанная полукольцами, или, если точнее, полукругом. Двадцать минут колдовства: встряхнуть, перемешать, накрыть крышкой, уменьшить огонь, мелко нарезать чеснок и укроп и добавить их в самом

конце. Еще раз встряхнуть, и вуаля. Первую пробу снимала я. Мама брала металлическую лопатку и накладывала мне порцию дымящейся, пышущей вкусом картошку, которую я ела руками. Осторожно и жмурясь от удовольствия.

Мама готовила простую и понятную еду. Папа готовил советские изыски. Плов, хашламу, долму, сациви, лобио. И мама, и папа казались мне небожителями, покорителями огня и кухонной утвари. Мне до дрожи хотелось скорее вырасти и также ловко творить волшебство. Так и случилось, но почти четверть века спустя, и это время было отнюдь не сладким.

Поначалу еда надо мной издевалась всеми мыслимыми и немыслимыми способами, явно давая понять, что у нас с ней не может быть никаких отношений, кроме самых натянутых. Сейчас, когда я сама 10 лет успешно учу людей готовить в своей кулинарной школе, в это невозможно поверить. Но в детстве еда не давала мне спуска. Сгущёнка взрывалась, оставляя на потолке жирные темные пятна. Сырники растекались по сковороде неаппетитной липкой жижей. Простейшая шарлотка превращалась в подошву. В такие моменты еда как бы говорила мне, неумехе: ничего у тебя не выйдет, не трать время попусту. И много лет испытывала меня на прочность. С моей стороны это была очень долгая и абсолютно безответная любовь. И только моя безусловная, слепая вера в нашу будущую взаимность заставляла меня упорно стоять у плиты и пытаться завоевать своё место на кухне. Вы даже не представляете, сколько я перепортила продуктов,

прежде чем хоть чему-нибудь научилась. Когда я жаловалась папе, он с улыбкой говорил: «Всему своё время, джана. Значит твоё еще не пришло». И я терпеливо ждала. Прежде чем полностью посвятить себя еде, я перепробовала много разных работ, строила успешную карьеру и даже не помышляла о том, чтобы сделать мечту профессией. Переломный момент наступил в мои 33 года. Во время еженедельного - как всегда, стрессового - совещания с президентом компании мне отключили звук. Мы сидели в зале для переговоров, весь топ-менеджмент компании в количестве восьми человек. Я читала по губам, но не слышала слов. В эти минуты у меня в голове почему-то звучал шум прибоя, шелест волн о песчаный берег, но не очередные упреки за плохую работу. Дальше всё было так, как в кино при замедленной съемке, когда в самый судьбоносный момент жизни душа главной героини отделяется от тела, и она как бы видит себя с высоты. Вот я выхожу на Никольскую, на часах 17:48. Я иду, не разбирая дороги, и выхватываю из толпы окружающих меня людей обрывки фраз. «Что ты делаешь?». «Иди дальше, надо пройти до конца». «Что ты любишь больше всего?». «Ты вышла не на своей станции». И очень отчетливо слышу чей-то голос у себя внутри. Тогда я еще не понимала, чей это голос и что именно он говорит, но он звучал для меня громче и честнее всего, что я слышала прежде. Всей моей прошлой жизни. Да, это звучит очень пафосно, но я отвечаю за каждое слово во всей этой книге. Этот неясный внутренний

голос оказался сильнее всего моего прошлого и настоящего. Сильнее денег, социума, привычного образа жизни, дорогих ресторанов, салонов красоты и других прелестей жизни, которые даёт статус и должность. Я очнулась у своего рабочего стола. Собрала личные вещи и написала заявление по собственному желанию. Снова вышла на Никольскую. С души как будто упал огромный камень, и мне стало легче дышать. Закатное солнце застыло между Историческим музеем и Богоявленским собором. Через пару мгновений раздался колокольный звон. Мне захотелось расплакаться от какого-то невозможного счастья. Я поняла, что меня благословили. Я впервые уходила в никуда. Без плана. Без понимания, что будет дальше. Повинуясь только неясному внутреннему голосу. Так под звуки вечерней службы, в лучах осеннего солнца, разлитого по церковным куполам, началась моя новая жизнь. Месяц спустя я сидела там же, на Никольской. В ресторане «Ноян Тун». И тот неясный внутренний голос высказался вполне определенно, устами девушки Ольги, которую я тогда знала три месяца: «Делай то, что дарит тебе счастье». Мы говорили о планах на будущее. Я не понимала, куда идти дальше. Она задала мне вопрос: «Что ты любишь?» Я ответила, что люблю готовить. И Оля сказала: «Так иди и готовь».

В такие моменты отчетливо понимаешь, что вот так - через людей, через знаки - с тобой говорит твоя судьба. А дальше ты выбираешь сама. Отмахнуться, оставшись в привыч-

ной лодке, привязанной к столбику у причала, или услышать зов сердца, оттолкнуться от берега и плыть в неизвестность, навстречу мечте. Забегая вперед, скажу сразу, что это было очень увлекательное путешествие. Случались и жестокие шторма в девять баллов, и абсолютный, уверенный штиль, и эйфория от первых побед. Были периоды тревожных, мучительных сомнений, особенно убивало безденежье, это было настолько болезненно, что адски хотелось всё бросить и вернуться к привычному столбику в тихой гавани. И сейчас я безмерно горжусь тем, что смогла всё это преодолеть. Эта книга о мечте. И о том, какие удивительные двери открываются перед нами, если не струсить и пойти ей навстречу. В моём случае эта дверь вела на кухню.

Глава 1.

ПОДАРОК ОТ МИРОЗДАНИЯ.

31 декабря 2023 года мироздание сделало мне лучший подарок, на который я могла рассчитывать в тот момент. Я поскользнулась и приземлилась на пятую точку. Почти два месяца я пролежала пластом, моя жизнь встала на паузу, давая мне время заново переписать свой сценарий. И наконец-то всерьез приступить к этой книге.

Я знаю, что книгу ждут. Много лет я вела собственный кулинарный блог в одной из ныне запрещенных соцсетей, который закрыла несколько лет назад. Некоторые зарисовки из детства и несколько волшебных историй из моей новой жиз-

ни уже знакомы читателям блога. Все остальное я написала заново. Много лет эта книга была для меня если не кошмаром, то сильно назойливой мухой, которая непрестанно жужжала над ухом и просила ее завершить. Я делала много подходов, перекраивала структуру, собирала рецепты. Но на тот момент книга еще не окончательно родилась у меня внутри, были только разрозненные фрагменты, из которых я тщетно пыталась слепить что-то цельное. Пользуясь случаем, я хочу сказать огромное спасибо всем редакторам, которые тратили на меня свой опыт и время. Всё, что я делаю в жизни, я стараюсь делать честно и с максимальной отдачей. Щедрой, полу-армянской рукой я добавляю в жизнь соль, сахар, специи и не боюсь огня. Яркий, сильный жар красиво колерует еду и придаёт ей аппетитную, хрустящую корочку. Этот закон работает не только на кухне. Кухня вообще прекрасный учитель жизни. Лучший из возможных. Это я вам говорю как профессионал. До недавнего времени я выставляла температуру своей жизни на максимум и получала фантастически красивый результат. Однако пару лет назад, когда нужно было сбавить обороты и научиться искусству маленьких шагов, я не уследила за огнем и ожидаемо перегорела. На кухне мы сразу такое выбрасываем, угли гостям не подают. А в жизни мне предстояло с сожалением смотреть на едва тлеющий костерок, в который превратилась моя жизнь после пожара. И ждать подходящего ветра, чтобы снова разгореться в полную силу.

Ирония судьбы заключается в том, что в какой-то момент я так сильно себя испугалась, что от страха залезла поглубже в свою раковину и не высунула бы оттуда нос еще пару лет. Я не привыкла быть слабой, экономить энергию и силы, у меня всегда был мощный запас ресурсов, который вдруг куда-то испарился. И даже когда правильный ветер снова подул, я совсем не спешила вновь разгораться в полную силу и напоминала себе ребенка, который трусит выйти на свет из тёмной комнаты, потому что видит сквозь щелочку, что за дверью его поджидает огромное, страшное чудище, и ему невдомёк, что это его собственная тень. Мирозданию это надоело. И на очередном жизненном повороте вместо попутного доброго ветра мне прилетел новогодний поджопник. А следом закономерный вопрос: «Твоя нынешняя жизнь - результат твоего выбора или твоего страха»? Ответ был очевиден, и несколько месяцев я разбиралась в причинах своих страхов. За это время я заново прошла курс молодого бойца и сдала все положенные экзамены по ускоренной программе школы жизни. Пока я старательно изображала Золушку, мыла окна, полола грядки, сажала под окнами семь кустов роз, молола кофе на семь недель и познавала самое себя, мне казалось, что в моей жизни не происходит вообще ничего, и что хуже уже быть не может. Моя жизнь превратилась в сплошной день сурка. Ты можешь быть самой продвинутой, самой начитанной и осознанной, мудрой и волшебной, но, если тебя сильно задевают за живое, тебе больно. Эта боль

застилает глаза, ты становишься самой настоящей, клинической идиоткой и спотыкаешься на ровном месте. И пока не поймешь, где эта точка, в которой пульсирует боль, и не сообразишь, как ее вылечить, так и будешь стоять, упираясь лбом в стену. Это сейчас, почти два года спустя, я понимаю, что именно в те моменты, когда тебе кажется, что ты задыхаешься от отчаяния и не видишь возможности ничего изменить, когда ты уверена, что лежишь на дне самой глубокой на свете пропасти, **ИМЕННО В ТАКИЕ МОМЕНТЫ ТЫ ПО-НАСТОЯЩЕМУ ИДЁШЬ ВПЕРЕД.**

В то время меня ждало еще одно любопытное знакомство, которое я долго откладывала. Мне предстояло познакомиться со своей тенью, которая вышла на первый план, и от которой я закрывалась и пряталась всю свою жизнь. Мне предстояло принять свои обиды, свою злость, и то обстоятельство, что я самая обыкновенная женщина, сделанная из плоти и крови - читай из говна и палок, - а не ангел небесный, который умеет творить чудеса. Я высоко летала и ярко жила. Тем больнее было падать. Что вернуло меня к жизни? Эта книга. Я поняла, что время пришло, и я готова её написать. И еще, как бы странно это ни прозвучало, меня вернул к жизни мой волшебный куриный бульон, сваренный по всем канонам поварского искусства. Когда я его варила, я возвращалась к себе. К той себе, которая знала с детства: **«Если у вас есть больше, чем вам нужно, делайте стол шире, а не забор выше»** — эта старая грузинская пословица

очень хорошо описывает всю мою жизнь **задолго до мотивирующего пенделя**. Тогда этот бульон очень много мне рассказал обо мне самой. И тем самым вернул меня к жизни и напомнил мне обо всем, что я давным-давно знала. Обо всем, чему я преданно служила много лет, но под влиянием обстоятельств мне было проще об этом забыть. Её величество Еда такого не прощает. В жизни действуют те же законы, что и на кухне. Передержал – значит высушил. Не доварил – будет сырое. Мало соли – получится пресно. Не уследил – подгорело. Результат там, где фокус. Мой фокус сместился на страхи. В результате – недопечённые отношения и перегоревшие в хлам мечты. «Жизнь – это маленькая кухня, на которой каждый готовит своё счастье». И каким оно будет, зависит исключительно от нас.

ГЛАВА 2.

ДЕТСТВО.

Прекрасно в нас влюбленное вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.
Н. Гумилев. «Шестое чувство».

... Тем летом в Москве стояла изнуряющая жара. Солнце, благослови его Создатель, третий день жарило так, что даже асфальт покрывался испариной. У метро «Сокол» я села на 23-й трамвай, в самый конец вагона. В середине 1980-х кон-

диционером в московском транспорте не было и в помине, и единственный воздухообмен осуществлялся через открытые верхние форточки в салоне. Я прижалась лбом к окну, закрыла глаза и принялась неторопливо откусывать холодный вафельный стаканчик сливочного пломбира, заедая его ароматным, переспелым крыжовником, который лопался во рту сладковато-терпкой радугой вкуса, стоило лишь слегка надавить на него зубами. Наверное, именно тогда, в этом изнывающем от московской жары августе, начался мой неповторимый роман с едой.

Спустя много лет, когда я уже сознательно выбрала еду своей профессией и служением, мне очень часто задавали один и тот же вопрос: в чём секрет твоей еды? Никаких секретов нет. Еда превращается в волшебство благодаря одному ингредиенту. Он правит миром с начала времён и называется Любовь. Только любовь способна добавить к самым обыкновенным продуктам тот самый «необыкновенный» вкус. И только она - честная, искренняя, бескорыстная - делает еду живой. Любовь. И никаких других секретов. Сколько я себя помню, у меня всегда была особая связь с едой. Со временем эта связь переросла во взаимный, умопомрачительный роман, но об этом чуть позже.

Самые вкусные, самые теплые, самые трепетные воспоминания детства так или иначе связаны с едой. Все семейные застолья, все дни рождения одноклассников, все походы в гости к родственникам - я до сих пор могу очень по-

дробно пересказать, что стояло на столе, и каким было на вкус. Я помню вкус пышного омлета и творожной запеканки с изюмом в детском саду, вкус размазанного по тарелке картофельного пюре с рыбной котлетой и салата из варёной свеклы с белой майонезной блямбой сверху. Песочные колечки с подгоревшим арахисом и песочные полоски с белой помадкой и застывшими шоколадными нитями. Маслянистые, рассыпчатые, упругие кексы с изюмом. Сочники с творогом. И мои любимые слоёные язычки, которые в школьной столовой разбирали молниеносно. Я помню даже вкус хлеба, белого и чёрного, который стоял на раздаче, на двух больших пластиковых подносах. И вкус компота из сухофруктов, который тоже стоял на раздаче в гранёных стаканах, киселя с нежной заветренной плёночкой, которую вытягиваешь первой, а потом маленькими глоточками выпиваешь мягкую, тёплую, клейкую клюквенную жижу. Мой ежедневный путь из школы сопровождала сдобная калорийная булочка за девять копеек и сто грамм докторской колбасы. Я заходила в магазин и просила отрезать четыре кусочка. Тогда не было слайсеров, колбасу резали огромным тесаком с рукояткой, обмотанной изолентой, и заворачивали в лист серой бумаги. А если после уроков на полках ещё оставалась «Свердловская» булка, это было отдельное счастье. Я брала эту булку с румяной засахаренной корочкой, разламывала её пополам, клала между слоистыми, воздушными половинками ломтики колбасы и шла домой, довольная как сто слонов, запивая

всю эту роскошь «Байкалом». Конечно, если в магазине была «Пепси», я покупала её, но она была не всегда. Я до сих пор люблю «Пепси» гораздо больше, чем «Кока-колу». Мой первый советский стритфуд.

И кстати, знаете, как проверяется по-настоящему крутой повар? На собеседовании его спрашивают, любит ли он уличную еду. И если он жмется и с умным видом бормочет, что нет, он предпочитает высокую кухню, то в по-настоящему крутых ресторанах ему откажут от места. Потому что хороший повар должен быть повёрнут на еде. На любой еде. И особенно на уличной, самой простой. Он должен уметь распознать радугу вкусов и возможностей в самой обыкновенной шаурме. Низкий поклон Михаилу Костину за моё любимое шаурмачное место в Москве, у метро «Баррикадная». Я слежу за его обзорами ресторанов, не всегда соглашаюсь с его оценкой, но за то, что он оценил именно это «моё» место, я готова простить ему абсолютно всё.

Вкус соленых груздей и жареных до хруста карасей для меня неразрывно связан с тетей Аллой, маминой старшей сестрой. Стоит мне только попробовать где-то соленые грибы, память тут же переносит в деревню под Щербинкой, в бесконечные цветущие яблоневые сады. Ухоженные яблони переваливались ветвями через ограды и источали такой аромат, что можно было сойти с ума. Малюсенькая квартира на первом этаже, пятиметровая кухня, газовая плита, рядом на столе - толстая деревянная доска с горкой солёной му-

ки. Тётя жарит карасей, которых утром сама наловила в речке. Ловкие, сильные, натруженные женские руки уверенными движениями обмакивают в муку скользкие рыбные тушки и в сразу же опускают в обугленную, чугунную сковороду, где шкворчит раскалённое подсолнечное масло. Я помню этот звонкий, роскошный звук – *пишиииии* - и характерный запах, который ударял в нос мгновенно: поджаренная мука и свежие караси. Никакой, даже самый вкусный на свете фиш-энд-чипс не стоит рядом. При всей моей брезгливости - а я была та еще фифа, если видела, как мама разделяет рыбу, вытаскивает всякие кишки и требуху, то потом отказывалась её есть - тех карасей я уплетала за обе щеки, с хвостами и головами, и вообще не чирикала.

Помню вкус жареной курицы, которую готовила другая мамина сестра, тетя Люся. Она работала в ресторане гостиницы «Россия», мы с родителями иногда ходили к ней на работу. Меня усаживали отдельно, за барную стойку, чтобы не грела уши о взрослые разговоры. Официант в белой рубашке, расшитой золотом красной жилетке и красной бабочке приносил мне металлическую креманку на ножке, в которой лежали ровные шарики белоснежного сливочного пломбира с умопомрачительно вкусным вишневым вареньем. Знаете почему я не ела его сразу? Потому что, если дать мороженому немного постоять, оно превращает варенье в густую, плотно тянущуюся вишнёвую карамель. Это непередаваемое удовольствие - перекатывать во рту застывшее варенье вме-

сте с подтаявшим пломбиром.

.....

Стоит мне заказать в ресторане хачапури, я сразу мысленно возвращаюсь в двухкомнатную распашонку на Туристской улице, в московский дом моей грузинской крёстной, Цицино. Её хачапури не таяли во рту, они в нём испарялись. Для меня вся грузинская кухня - это всегда разговор с Цицино. Когда я впервые привезла ей свой лобио из зеленой фасоли, я думала, она меня побьет или как минимум раскритикует. Это лобио я сделала по-своему, с морковью и болгарским перцем. И от души набухала в него специй. Цицино попробовала, почмокала языком, поелозила вилкой по тарелке и ничего не сказала. Я помню, как замерла и перестала дышать. Принести ей свой «авторский» лобио было равносильно тому, что принести поделку из картона профессору Курчатовского института, который проектировал ядерный реактор. Наконец крёстная заговорила. Её оценка была: «Очень вкусно, дочка. Ты умница». Это был мой первый, полупрофессиональный «Мишлен».

.....

Многие места в Москве связаны для меня с определенным вкусом или запахом. Иногда только с одним, иногда с целой палитрой. Это не современные авторские гиды по ресторанам, это настоящий вкус Москвы, вкус моего детства. Прохожу мимо зоопарка - на губах вкус сладкой ваты, леденцов на палочке и горького табака. В леденцы добавляли ка-

кой-то термоядерный красный краситель. Губы после него были словно в помаде. Иногда я специально слюнявила леденец, чтобы «помада» была поярче. Я старалась делать это незаметно от строгого папы, но он всё равно замечал, доставал из кармана клетчатый носовой платок в табачных крошках и вытирал мне рот. Арбат – «Птичье молоко» и бесконечная очередь у ресторана «Прага». Сейчас уже нет того торта, и самые рукастые кондитеры не могут повторить вкус «Птички» из моего детства. Тверская – это мандариновый сок и Елисеевский магазин, где я в первый раз попробовала его на разлив. Там была целая батарея из конусов, разных цветов и оттенков. От темно-бордового со сливовым соком до почти прозрачного, светло-зеленого – виноградного. Все цвета радуги. Их было штук двадцать, не меньше. Соки с мякотью и без мякоти, какие душе угодно: морковный, томатный, яблочный, апельсиновый, виноградный, вишневый, персиковый, грушевый, ананасовый, гранатовый, – был даже березовый. И еще самые разные смеси вроде яблоко-виноград или яблоко-груша. Выглядели они, если честно, не презентабельно. Неряшливая, мутного цвета жижа. Я застыла у конуса с самым невероятным, сказочным, ярко-оранжевым цветом. Этот цвет идёт со мной по жизни, еще в детстве отпечатавшись в сердце мандариновым восторгом. Папа хмыкнул – губа не дура. Это был самый дорогой сок, кажется 28 копеек стакан. На эти деньги можно было купить два стакана сливового сока или яблочный и виноградный. Мандарино-

вый я пила медленно, с закрытыми глазами, а когда вновь их открыла, весь мир был окрашен в оранжевый цвет. Эта одна из немногих привычек, которые остались со мной с детства. Когда мне очень очень-очень хорошо, я закрываю глаза. Это момент наивысшего удовольствия, доверия и сопричастности с миром. И есть только две вещи, помимо сна, которые заставляют меня закрыть глаза. Музыка и еда.

.....

Вкус Москвы для меня с детства чётко распределён по районам. Конечно, я начну с Красной Пресни. В этом районе я родилась и выросла, в нём прожила всю свою жизнь. Вкус Пресни - это в первую очередь вкус горячего белого нарезного хлеба по 13 копеек, который пекли на Пятом хлебозаводе имени Василия Зотова. Сейчас на том месте - огромный премиальный жилой комплекс и музей концептуального искусства Зотов-центр. В моём детстве на месте нынешнего серого забора стояли гаражи соседнего НИИ. Совершенно безбашенные подростки, мы забирались на крыши этих гаражей и прыгивали на территорию завода. Нам было 12-14 лет. Неокрепшие мозги, подстрекаемые гормонами, искали приключений на то самое место, которое после таких приключений частенько бывало поротым. Завод был старый, цвета нынче модной пыльной розы, с огромными, распахнутыми настежь окнами. Летом наружные стены мыли из поливальных машин, а чаще всего - просто из шланга, и куски отваливающейся от старости краски летели во все стороны, как

лепестки ... той самой, пыльной розы.

Запах свежеиспеченного хлеба заполнял собой всё пространство, его было слышно еще от светофора у воинской части, а при сильном ветре - и вовсе от остановки, где теперь располагается клуб «16 тонн». Сейчас уже нет таких запахов. Сейчас в пекарнях пахнет слоёным тестом, корицей, ванилью, молотым кофе, иногда подгоревшим молоком, но такого тёплого, уютного, честного хлебного запаха больше не производят. В детстве мы прыгивали с гаражей прямо перед цехами с готовым хлебом, рядом с проходной. В неё заезжали грузовые машины, останавливались у открытых окон, и заводские грузчики закатывали в кузова деревянные стеллажи с хлебом. Очень часто загруженные машины стояли с незакрытыми дверями, и пока водители расписывались в накладных, мы с друзьями тырили хлеб с нижних полок, прямо из грузовиков. Иногда мы хватали хлеб через окно - стеллажи стояли почти впритык. Зачем мы так делали, вопрос риторический. И потом, если бы вы хоть раз попробовали горячий - я настаиваю, именно горячий, дымящийся, упругий, мягкий, сладкий, пряником из пекарни - хлебный мякиш, вы бы не задавали таких вопросов. Вы только представьте: берешь батон хлеба и сначала перекидываешь его из руки в руку, как печёную картошку - вот какой он горячий. Потом разламываешь его пополам, и тебе прямо в нос ударяет жаркий, манящий, сытный запах свежего хлеба. Мы не были хулиганами или сиротами, мы росли в хороших, благопо-

лучных семьях. Я даже не вспомню, кто показал нам дорогу к заводу по крышам гаражей. Но в моем детстве на протяжении нескольких лет раз в два-три месяца - особенно на каникулах - мы неизменно наведывались на хлебозавод. Если везло, на проходной дежурила нормальная смена, которая выпускала собак только на ночь. Это давало нам шанс добежать до дальних окон. Там были кондитерские цеха со сдобой: калорийные булочки с изюмом и орехами, московские плюшки с поджаренным сахаром, ржаные лепёшки, творожные коржики и - моя особенная любовь - простые сдобные рогалики. Их надо было есть так: цепляешь рогалик за запечённый, закрученный язычок посередине и разматываешь его, как слоёное тесто. Эти рогалики были божественно вкусными, с плотной, маслянистой, поджаристой корочкой и нежнейшим, как пух, мякишем. Нас узнавали работницы завода, улыбчивые, корпулентные дамы в белых халатах и белых накрахмаленных марлевых «кокошниках». Завидев нас издали, они махали руками, подзывали к себе и угощали хлебом или булками. Иногда нас привлекали к труду: хотите хлеба, помойте полы. И мы с удовольствием - я настаиваю, именно с удовольствием - надраивали полы в цехах. А за это нам давали с собой по три-четыре батона свежего хлеба, завернутого в большие серые бумажные листы. Я лопалась от гордости, принося домой этот кулёк, и на мамины вопросы, где я это взяла, с достоинством отвечала – заработала. В самом начале 1990-х годов на заводе сменилось ру-

ководство, и охрану поставили посерьезнее. Я хорошо помню свой последний визит на завод. Еще бы не помнить! Нас поймали и вызвали милицию. Тогда я впервые поняла, что детство закончилось, и всё уже не будет как прежде. На смену инфантильности и беспечности советской эпохи пришел равнодушный капитализм. Тогда я первый и последний раз в жизни оказалась в детской комнате милиции, откуда меня вызволил бордовый от стыда папа. Это был предпоследний раз, когда он меня выпорол как сидорову козу, что никак не отразилось на моей бесконечной любви к хлебозаводу и к моему прекрасному детству на Красной Пресне. С этим районом у меня связано слишком много воспоминаний. В сквере у метро «1905 года» у памятника Ленину меня принимали в пионеры. В парке «Красная Пресня» я впервые поцеловалась. В магазин «Башмачок» на Трехгорном валу мы ездили покупать обувь. Он располагался за нынешним «Макдональдсом», которого в моем детстве не было и в помине. В кулинарии рядом с остановкой «Улица Анны Северьяновой» продавались умопомрачительные корзиночки из песочного теста с белковым кремом и грибочками. Белковый крем был чуть кисловатый, в меру сладкий и тянулся, как патока. На Прудах была ещё одна кулинария - в жёлтых двенадцатиэтажках, - где делали фантастическое пирожное «Картошка». Сейчас эти дома уже не жёлтые, их заделали плитами.

Ещё одно яркое воспоминание из детства.... Зима, вечер, на выходе из метро «1905 года» темно. Это середина 1980-х,

когда фонари работали очень условно. В те времена в моём городе не было такой иллюминации, как сейчас. Мы с папой прошли метров пятьдесят и уперлись в толпу народу. Я испугалась. Мне показалось, что это очередь на троллейбус, и мы будем стоять в ней до утра. А зимы в Москве моего детства были совсем не европейские. И чтобы согреться в ожидании общественного транспорта, мы прыгали на месте, хлопая себя по бокам. Женя Лукашин, герой классики советского кинематографа «Ирония судьбы, или с лёгким паром», делал зарядку, оказавшись на улице в новогоднюю ночь, не только для того, чтобы выгнать хмель - там действительно был собачий холод. Оказалось, это очередь за фейхоа. Южные люди из братской республики выгрузили деревянные ящики прямо на асфальт и торговали с рук. Папа взял меня за шарф. По скользкому льду я семенила за ним, как Пятачок за Винни-Пухом. Мы подошли к началу очереди, и папа сказал пару слов продавцу на своём родном языке. «Оооо, земляк»! Нам тут же насыпали в пакет половину ящика неизвестной мне зелёной ягоды. Там же продавались айва и гранаты, но их никто не видел, потому что они были заставлены ящиками с фейхоа. Папа отодвинул эти ящики, с деловым видом понюхал и выбрал несколько штук айвы и гранатов, каждый, как мне тогда казалось, - размером почти с мою голову. Уже сидя в троллейбусе, папа дал мне попробовать фейхоа. Да, прямо так, грязным, невымытым. Протёр платком и протянул мне. Я сидела у заледеневшего окна, оно всё было

покрыто причудливыми, хрустальными снежными узорами. В моём детстве салоны троллейбусов, автобусов и трамваев не отапливались так, как сейчас, и окна промерзали изнутри. На них нужно было подышать и оттаять себе маленькое окошко в мир. А еще можно было сжать кулачок и приложить его к стеклу согнутым мизинцем. На стекле отпечатывалась маленькая ножка. Потом ты пять раз тыкаешь сверху указательным пальцем, и получается законченная «картинка – ножка младенца. В тот вечер, оттаяв себе кусочек стекла, я впервые в жизни ела фейхоа и до сих пор чувствую этот вкус у себя на губах. Вкус невиданной, экзотической, пряно-вяжущей, сладковатой ягоды, чем-то отдалённо напоминающей и клубнику, и ананас, и незнакомую мне тогда маракуйю. Я сидела в теплом салоне и смаковала чудесный вкус, за окном падал снег, и это были мгновения самого уютного, теплого, чистого детского счастья. Рядом сидел папа, мы ехали домой, где мама уже приготовила ужин. А после ужина мы будем пить чай и смотреть диафильмы. Те фейхоа папа прокрутил через мясорубку вместе с сахаром. И всю зиму мы пили чай с этим деликатесом. А с айвой папа несколько раз делал плов, это было ум отъесть как вкусно. Мы тогда жили на Шелепихе и в основном ели простую еду: макароны по-флотски, щи, сосиски с картофельным пюре, котлеты с гречкой. Долму, хашламу, лобио готовили по праздникам или в редкие папины выходные. Поэтому плов с айвой или варенье из фейхоа были в диковинку, мы уплетали их так,

что за ушами трещало.

Кстати, это ответ на злободневный вопрос, как заставить детей хоть что-то есть. Недавно смотрела интервью какой-то экспертки из поколения зумеров, которая с умным видом рассуждала о том, что в советское время был культ еды, потому что не было других развлечений, и был дефицит всего. Дом, работа, проверить у детей уроки, приготовить ужин, посмотреть программу «Время» - вот и вся жизнь. Совершенно нелепое утверждение. Теперь нет дефицита, полки магазинов ломятся от продуктов питания и готовой еды, и я утверждаю, что еда превратилась в культ именно сейчас. Сейчас, когда есть гигантский выбор, а не тогда, когда он был очень скромным. В моём детстве почти не было толстых детей, мы очень много двигались. Мы ели всё: и макароны, и суп, и компот, заедали их пряниками и бежали гулять. Сейчас у каждого третьего ребёнка есть проблемы ЖКТ. Потому что все доступность рождает другой дефицит - ума и совести. В моём детстве стандарты качества регулировались государством, а сейчас государство самоустранилось, отдав бразды правления в руки частных предпринимателей. Результат налицо, в прямом смысле слова. Прошу прощения за это лирическое отступление, но всякий раз, когда кто-то пытается очернить моё чудесное, честное и очень счастливое детство, во мне просыпается даже не Баба Яга, а Тони Старк, готовый без устали разить злодеев лазерным лучом. Нам долго внушали, что мы жили бедно и отстало, но это неправда. И

я имею право это утверждать.

На Красной Пресне было еще много вкусняшных мест. Чего стоит один гастроном на площади Восстания, в той самой высотке, возле метро. Помните фильм «Москва слезам не верит»? Часть эпизодов снимали именно там. Я до сих пор помню тяжелые, массивные двери, которые открывались так неторопливо и вальяжно, словно позёвывали от многолетней усталости. Там была роскошная кулинария, где продавались волшебные жареные пирожки с мясом, узенькие, как пальчики, почти цилиндрической формы. Они назывались «Московские». Их продавали и в кулинариях, и на улицах - привозили в больших металлических бидонах и клали на квадратную бумажку. Один пирожок стоил десять копеек. Господи, это было так вкусно, особенно когда они были горячими. Отдельный кайф - есть их на морозе, я их заглазывала, как голодный удав. И ещё: краковская колбаса, которую мы покупали в этом роскошном мраморном дворце, почему-то была вкуснее, чем точно такая же, но купленная в «Стекляшке» у дома на Шелепихе. В том гастрономе даже обычный сахар-рафинад был вкуснее и слаще, а простой черный чай в гранёных стаканах с металлическими подстанниками - в сто раз ароматнее, хотя я своими глазами видела, как тётяшка-продавец насыпала в чайник такую же заварку из пакета с грузинским чаем, какая стояла у нас дома. Там я впервые поняла, какое значение имеет красивая подача, и как сильно она влияет на вкус.

Если я оказываюсь на «Соколе» – это сразу множество вкусов и воспоминаний. Во-первых, на «Соколе», в храме Всех Святых меня крестили в 1980-м году, когда это было совсем не модно и даже порицаемо. Мне было два года. Во-вторых, при крещении мне дали имя Анна. Боковой придел храма освящен в честь Анны Пророчицы. А стиль храма историки относят к Анненскому барокко. И когда я случайно – или не случайно – оказываюсь на «Соколе», всегда стараюсь зайти в свой храм. Но, с «Соколом» меня связывает не только это. Вкус «Сокола» – инжир, крыжовник, солёные бочковые огурцы, тульский пряник. Странное сочетание, но из песни слова не выкинешь. Когда я оказываюсь в том районе, особенно со стороны западного вестибюля метро, то сразу же мысленно возвращаюсь почти на сорок лет назад и вижу себя – в летнем голубом сарафане, белых гольфах и голубых бо-соножках, – стоящую у киоска с надписью «МОРОЖЕНОЕ». Во времена моего детства в конце Ленинградского проспекта был магазин «Смена», аналог нынешнего «Детского мира». Начиная с третьего класса, я ездила туда самостоятельно, без родителей. Там покупались все школьные принадлежности: географические атласы, фломастеры, форма и обувь. У выхода из метро стоял киоск с мороженым, где я покупала свой любимый вафельный стаканчик. И там же, возле метро, почти всегда стояли бабушки с редиской, укропом, разноцветными астрами – с тоненькими, как иголочки, листьями, – длинными гладиолусами и роскошными, вальжными,

бело-бордовыми георгинами, смородиной и крыжовником в эмалированных ведерках. Ягоды не взвешивали, а отмеряли граненым стаканом. Тогда еще не было одноразовых контейнеров, пакетиков и прочей пластиковой ерунды. Оттягиваешь двумя пальцами карман, и бабулечки сыпали туда крыжовник, и мне даже в голову не приходило спросить, мытый он или нет. Рядом располагался продуктовый магазин, где продавались самые невероятные, самые вкусные, самые ароматные и хрустящие в мире бочковые огурцы. Разумеется, солёные. Я покупала сразу килограмм, он стоил то ли десять, то ли пятнадцать копеек. Трехлитровая банка стоила сорок. И там же, в хлебном отделе, продавались самые вкусные в Москве тульские пряники, по одиннадцать копеек килограмм. Да, в моём детстве эти пряники продавали на вес и укладывали их стопкой в серый бумажный пакет. Самый кайф, это на подходе к дому развязать пакет с огурцами, выбрать самый маленький и слопать его вместе с пряником по дороге от остановки до подъезда. Я уже с детства разбиралась, что и где вкуснее покупать, и с удовольствием вносила свой скромный вклад в семейное меню.

По дороге из «Смены» я заглядывала в переулки, выходящие к метро. Иногда там стояли легковые машины с открытым багажником, где лежали на продажу ящики с помидорами, персиками, иногда с черешней. Это всё меня не особо прельщало, такого добра у нас дома было завались. Но если мне попадался инжир, вот это была грандиозная удача.

Да-да, самый обыкновенный по нынешним временам инжир, в те годы был для меня сродни волшебству. Я до сих пор готова есть его на завтрак, обед и ужин. А тогда я просто покрывалась мурашками от одного его вида. И если мне улыбалась удача и по дороге к метро удавалось попасть на инжир, я была самым счастливым человеком во всей вселенной. Я доходила до метро, покупала мороженое, просила деревянную палочку - их выдавали только к бумажным стаканчикам, а я шиковала и брала вафельный. Потом садилась на трамвай, в самый конец вагона, к окну, расковыривала палочкой содержимое стаканчика, выбирала самую маленькую ягоду, разламывала её, перекладывала большие куски сливочного пломбира прямо в сочную мякоть, отправляла в рот и закрывала глаза. Если мне не везло на инжир - а мне повезло на него только дважды, - я довольствовалась крыжовником или на худой конец черной смородиной. Один раз мне повезло на инжир, но не повезло с компанией, я была с мамой. Она не позволила мне расковырять немытый инжир немытыми руками и повторить тот божественный гастрономический ритуал.

Кстати, по поводу мытого и немытого. Это тоже маркер времени. Я из того счастливого поколения детей, кто жевал гудрон, ел незрелые ранетки, совершенно спокойно брал общественный стакан в автоматах с газированной водой и даже не думал его сполоснуть. Если мы разбивали об асфальт колени, свалившись с велосипеда, то направлялись к ближай-

шим кустам за подорожником. Именно направлялись, неторопливо и вальяжно. Не дай бог показать слабинку или заплакать. Летом нас было не загнать домой, утром мы уходили во двор и возвращались только вечером, а обедали складчину: выгребали из карманов всю мелочь и покупали один на всех пакет кефира и буханку хлеба, которую раздербанивали, еще даже не выйдя из магазина. Мы носились по улицам, играли в вышибалы, казаки-разбойники и Тимура и его команду. Это произведение мы прошли в третьем классе и буквально заболели тимуровским движением. Только, в отличие от Тимура и его команды, мы помогали не семьям красноармейцев, а знакомым бабушкам и дедушкам. Ходили для них за продуктами, помогали делать уборку в квартире, собирали букеты полевых цветов и приносили под двери. В моём детстве мы сами придумывали себе игры, и никто не скучал. Напротив моего дома стоял заброшенный санаторий в несколько корпусов. Мы пропадали там целыми днями, лазили по подвалам, открывали закрытые кабинеты, где хранились старые, ненужные карты пациентов, истории болезни, неиспользованные шприцы и лекарства. Всё это было жутко привлекательно для детского воображения. Мы представляли себя шпионами на потерпевшем крушение корабле, и нам надо было срочно доставить в штаб секретное донесение - обычно им служил какой-нибудь потёртый медицинский журнал с загадочными треугольными или круглыми печатями. Самый кайф наступал ближе к вечеру: освещения в заброшен-

ном здании не было никакого, кроме дневного света из открытых окон, и весь санаторий погружался в таинственный и зловещий полумрак. Срочное донесение нужно было доставить на третий этаж, в кабинет главврача. Это была самая настоящая жуть на лапах. И тот факт, что при дневном свете мы облазили все эти кабинеты по пятьсот раз, ничего не менял. С наступлением вечера в санатории воцарялась пугающая темнота, за каждым поворотом нам мерещились если не призраки, то шпионы, а у нас - важное донесение, и мы на цыпочках крадемся по лестнице, стараясь даже не дышать. Один раз мы случайно встретили старшеклассников, которые там курили. Это я сейчас понимаю, что ничего страшного не случилось, а тогда, столкнувшись с посторонними на тёмной лестнице мы с диким визгом кубарем скатились вниз. В пустом санатории было так тихо, что даже шуршание фантика в кармане разносилось по коридору гулким эхом, а тут все пространство наполнилось такими децибелами, что могло сложиться стойкое ощущение, - нас точно режут живьем. У ворот стояли перепуганные родители, которые пошли нас искать, потому что на часах было уже девять вечера. Ох, и влетело же мне тогда. В моём детстве мы не страдали непереносимостью лактозы, у нас не было аллергий и несварения, наши желудки могли бы переварить даже гвозди. Никто особо не заморачивался раздельным питанием, все спокойно ели макароны по-флотски, запивали стаканом молока, а потом - сладким чаем с баранками, которые дожевывали,

уже сбегая по лестнице во двор, играть в казаки-разбойники.

И сколько бы мама, сделав круглые глаза и строгий голос, ни страшила меня дизентерией со всеми вытекающими последствиями, мой желудок меня подвёл может один или два раза, и то, там был просто роял-флеш - свежие огурцы и клубника с грядки, незрелые абрикосы, парное молоко и смородина с куста. В нашем детстве, и я на этом настаиваю, не было культа еды. Он появился сейчас. Просто посмотрите на количество фуд-кортов и ресторанов в любом торговом центре. А на выходе из любого метро? Через каждые пять метров - шаурма, пицца, автомат с кофе или бутербродами, вьетнамская лапша, пончики, бургеры, хинкали, блины, и это только одна десятая из общего списка. В каждом доме - минимум три магазина, а в каждом из магазинов - автомат с жутким по качеству кофе, готовая выпечка, кулинария. Мы дожили до того, что не только сетевой ритейл и маркетплейсы, а уже и крупные банки занимаются делёжкой большого пирога под названием «Потребительская корзина», запуская свои собственные приложения для доставки готовой еды и продуктов. Недавно в одном из таких сервисов я увидела забавную картинку, которая лишний раз показала, как низко пала наша культура потребления именно сейчас, когда полки всех магазинов ломаются от переизбытка еды. Картинка выглядела так: прозрачный пластиковый короб, а в нем лежит бутерброд с маслом. Мы уже не в состоянии самостоятельно намазать масло на хлеб. Следующим шагом будет

услуга по пережевыванию еды? Сейчас мы только и делаем, что едим, или думаем о том, чего бы такого съесть. В советское время такого пищевого разврата не было. У метро стояли ларёк с мороженым, ларёк с квасом, автомат с газированной водой, иногда - та самая тётянка с бидоном московских пирожков или варёной кукурузы. Пельменная, чебуречная, блинная или столовая, кафе-мороженое, кулинария - по одной на район, а не все скопом возле метро. В советское время было принято есть дома. В моём детстве умение готовить не считалось чем-то выдающимся, это была абсолютно базовая настройка. А вот неумение готовить и отсутствие в доме кастрюли с супом считалось как раз-таки признаком неблагополучной семьи. Вся эта истерия по поводу еды пришла значительно позже, в эпоху победившей демократии и всеобщих свобод. Как показывает время и мой собственный опыт, всеобщих свобод и от ума тоже. Но об этом мы поговорим позже. А пока мне восемь лет, и я, пользуясь тем, что мама в ванной, стащила с кухни свежееиспеченные орешки со сгущенкой, распахала их по карманам и уже несусь вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Скорее во двор, угощать друзей и играть в вышибалы!

ЖАРЕННЫЕ БЛИНЧИКИ

Наверное, из всего разнообразия еды рейтинг пяти моих самых любимых блюд возглавляют мамины блинчики с мясом. Господи Боже, это было нереально вкусно. Блинчики делались в три этапа. Сначала - обычно с вечера накануне

- отваривалось мясо, в кастрюлю добавлялось много лаврового листа, разного перца, чеснока и моркови. На этом мясном бульоне мама потом варила суп. На следующее утро мама чистила и резала много лука. Дверь на кухню плотно закрывалась, открывалось окно, воздух наполнялся жгучими слезоточивыми парами лука, и, если я оставалась на кухне, нужно было закрыть лицо полотенцем и часто-часто дышать, периодически подходя к окну и вдыхая свежий воздух. Уже нарезанный лук мама обжаривала до карамельной румяности, в подсолнечном масле, на старой, выдавшей виды, обугленной чугунной сковороде. Затем доставала тяжелую металлическую мясорубку, привинчивала ее к столу и ставила рядом эмалированную миску. Туда прокручивалось вареное мясо, которое падало в миску толстыми, жирными червячками. Следом шел лук. Затем вареная морковь. Потом мама добавляла половниками бульон, перемешивала всё большой ложкой. Фарш становился рыхлым, сочным, ароматным, в нем как будто появлялась глубина. Эту миску нужно было сразу убрать от меня подальше. Сложив три пальца в щепоть, я без зазрения совести хватала готовый фарш и засовывала себе в рот. Затем мама жарила блины. Первые три я съедала сразу, потом получала поджопник, придававший мне ускорение в сторону комнаты - читать или делать уроки, - иначе я замахнулась бы и на четвертый. А чуть позже, когда тёплая, исходящая паром блинная стопка уже стояла на тарелке, меня звали из комнаты, и мы вместе с мамой заворачивали

блины в рулетики. А потом обжаривали. Именно обжаренные с двух сторон, с плотной, хрустящей корочкой блины, которые мама накрывала крышкой, чтобы они потемнелись на медленном огне - самое вкусное, самое трепетное воспоминание из детства. Такое уютное и взаправдашнее. Прийти домой со школы, быстро вымыть руки земляничным мылом, вытащить из холодильника жареный блинчик - из белого эмалированного лотка, в который мама заботливо уложила готовые блинчики в несколько рядов - и запихнуть себе в рот... Лучшая быстрая еда из детства. Пишу эти строки, и в памяти снова всплывает запах земляничного мыла и вкуса маминых блинчиков. До сих пор обожаю жареные блинчики с мясом. Уютная, безмятежная еда.

ДОМАШНИЕ ТРЮФЕЛИ

Папа называл это лакомство «одно баловство». Про папу я напишу отдельно. Но чтобы представить его сейчас, вспомните Гошу из фильма «Москва слезам не верит». Абсолютная копия моего папы, не случайно и родились они в один день, 23 декабря. Козероги - это вообще особая часть моей жизни. Моя карма. Все решения будет принимать он, на том простом основании, что он мужчина. И женщина-руководитель - плохая жена, и спорить с ним бесполезно, как он сказал, так и будет. Самая вкусная еда - только из-под его руки, лучшие рецепты - тоже только у него. А этим рецептом поделилась мамина подружка, тётя Валя, женщина-руководитель. Ну, разве из этого выйдет что-нибудь дельное? Од-

но баловство. Трюфели – еще одно теплое воспоминание из детства. Сколько я ни пыталась, повторить тот самый вкус не смогла. Их делали из детского питания «Малютка», мороженого «Пломбир» за 48 копеек и сливочного масла. Это была магия, которая творилась буквально у тебя на глазах. Магия заключалась в том, что из двух вспомогательных и не особенно вкусных по отдельности продуктов при добавлении мороженого получался шедевр советской гастрономии. Бралась большая эмалированная миска, туда высыпалась детская смесь. Вкуснее всего получалось с гречневой, но и с рисовой или овсяной тоже было очень вкусно. В смесь выкладывалось сливочное масло комнатной температуры и брикет мороженого. Все это перемешивалось руками, до однородности. Затем лепились небольшие шарики, которые обваливались в какао. Их укладывали в эмалированный лоток и ставили в морозилку. Если мы делали трюфели зимой, их можно было убрать на балкон. А вот летом – сложнее, в морозилке лежал стратегический запас заготовок, и чтобы поставить туда лоток, нужно было что-то выложить. Папа страшно ворчал, что из-за нашего баловства пришлось разморозить фасоль или курицу, которую он приберёт на какой-то праздник.

БУТЕРБРОД С БАКЛАЖАННОЙ ИКРОЙ

Согласна, странный выбор, но из песни слова не выкинешь. Это были времена тотального дефицита, и когда на пустых магазинных полках появлялся какой-то продукт, его было необходимо купить немедленно. Желательно, в про-

мышленных масштабах - и складировать на балконе. Так было и с баклажанной икрой, в прямом смысле заморской, производства Болгарии. В жестяной банке с фиолетовым баклажаном на белой этикетке. Тогда не было никаких модных клапанов, жестяные банки открывали специальными консервными ножами, а сделаны эти банки были на совесть. Мне в мои восемь-девять лет часто не хватало силёнок, чтобы пробить плотную крышку с первого раза. А уж сколько раз я резалась до крови, пытаюсь отогнуть уже вскрытую крышку, пока не додумалась держать её полотенцем - даже не сосчитать. Мама каждый раз удивлялась, почему кухонные полотенца чем-то заляпаны. И без стеснения высказывалась, какое именно место мы, дебилы, вытирали этим полотенцем. Мы – это мы с младшим братом. Заморская икра и правда по цвету похожа на кое-что сильно несъедобное. Самая вкусная икра была из холодильника. Я её ела столовыми ложками, даже без хлеба. Не знаю, что меня в ней привлекало, но меня буквально трясло от удовольствия. Умять банку за один раз – как нечего делать. Даже сейчас, спустя сорок лет, я буквально мурчу от удовольствия при одном только воспоминании об этом вкусе. Если я не ленилась, то делала себе бутерброд. Кусок белого нарезного батона за тринадцать копеек, два ломтика сливочного масла - его нужно было хорошенько размазать по хлебу, иначе икра могла вместе с ним плюхнуться либо на пол, либо на тебя, что было намного хуже. Мама знала все наши вещи, поскольку каждое утро тщательно

но собирала нас в школу. И внезапное появление пятна не сулило ничего хорошего. Это значило, что вместо того, чтобы налить себе суп и пообедать «как все нормальные люди», я опять ела всухомятку и «зарабатывала себе язву желудка». Но этот бутерброд того стоил. Сейчас, покупая жестяную банку с баклажанной икрой, я очень расстраиваюсь. Потому что это уже совсем не тот вкус. Он какой-то приплюснутый, неживой, больше химозно-уксусный и совершенно не харизматичный. Та баклажанная икра была яркая, в меру сладкая, в меру перчёная, с насыщенным вкусом баклажана и специй. Это был подлинный, качественный вкус, а не жалкая подделка.

ПЕЧЕНЬЕ «ЮБИЛЕЙНОЕ» С МАСЛОМ

Это лакомство тоже из серии «ничего вкуснее не едала». Я уверена, что все, кто вырос в Советском Союзе, обязательно улыбнулись, прочитав название. «Юбилейное» - самое распространенное печенье к чаю, оно было в каждом доме, и его вкус помнят все. Я очень любила, когда мне попадалось сильно зажаренное печенье или даже слегка подгоревшее. Я с детства фанат обугливания и терпкой, горелой корочки, хоть на печёной картошке, хоть на сладком печенье. Моя бабушка умудрялась добавлять «Юбилейное» даже в мясные котлеты, натирала его на мелкой тёрке или прокручивала через мясорубку. Его мазали маслом, иногда мёдом или вареньем, из него делали торты: выкладывали печенюшки слоями и промазывали сливочным или заварным кремом. Или

просто сгущенкой. И убирали на ночь в холодильник. Это было очень вкусно.

МАРИНОВАННЫЕ ПОМИДОРЫ

Мой папа, про которого я уже говорила - и про которого обязательно напишу подробнее, но позже, - делал просто умопомрачительные соленья и всевозможные закрутки. Единственное, что ему не давалось - это грибы. У тёти Аллы они были вкуснее. Но ему я об этом не говорила, потому что он сильно расстраивался, если вдруг выяснялось, что он не самый-пресамый. У папы были удивительно «вкусные руки». А еще гигантомания, пережиток детдомовского детства, иначе я не могу объяснить то количество компотов, варений, огурцов, помидоров, лечо и прочих маринованных перцев в трехлитровых банках, которые он ежегодно готовил даже не на роту, а на целый полк. Большую часть, конечно, раздари-вал. Но для меня самым вкусным были его маринованные помидоры. Я не знаю, как он это делал. Не потому, что у меня нет рецепта - есть. Но я не могу повторить и добиться именно этого вкуса. Обычно где-то в середине августа папа брал на рынке три ящика помидор, дамские пальчики или сливки. Эти помидоры надо было перебрать, те, что помягче, оставить на «съесть сейчас», а те, которые плотные, хорошенько промыть и разложить по чистым, стерилизованным банкам попеременно с зонтиками укропа, чесноком, перцем, гвоздикой и лавровым листом. Папин маринад был полноценным участником процесса, а не просто безмолвным статистом -

в меру уксусный, ярко чесночный, сладкий, солоновато-пряный, с шикарным перечно-гвоздичным ароматом и вишнёво-дубовым послевкусием, его можно было с удовольствием пить просто так. Такой маринад, как мне кажется, получался путём жамканья листьев. Я раскладывала их по кучкам на столе: сначала большой лист хрена, потом на него - лист дуба, затем - листья смородины, малины и вишни, а сверху - укропный зонтик или даже два. Там же на столе стояли три эмалированные миски, одна большая - с начищенными зубчиками чеснока - и две поменьше. В одной лежал черный перец, в другой - перец душистый. Лавровый лист и гвоздику папа вытаскивал поштучно из бумажных пакетов. Он брал подготовленную мной кучку листьев, как следует жамкал её в кулаке - мне казалось, что в его сильной руке она начинала тихонько пищать - и клал на дно банки. Потом щедро сыпал чеснока и перца. Следом плотно укладывал первый слой помидоров и накрывал следующей жамканной кучкой листьев. И так - несколько раз, пока банка не наполнялась до верха. В самом конце папа клал последнюю жамканную кучку и накрывал ее одной нежамканной, укладывая листья шапочкой, так что они сползали по бокам внутрь банки. Лавровый лист и гвоздику он клал в самом конце и заливал всё кипящим маринадом. Вы не представляете, какой это был аромат. Он буквально ошпаривал своей душистостью все органы чувств, нос чесался от перца и чеснока, глаза слезились от уксусных паров, в горле першило от терпкой гвоздики и дубовых

листьев. Это были не маринованные помидоры, а какое-то ведьмино варево, но спустя несколько месяцев в банке происходило настоящее волшебство. Всё это буйство маринованных красок смешивалось с мягкостью свежих, спелых, упругих плодов и пикантностью пряных, ароматных, хрустящих листьев, и получался тот самый невероятный сладко-перечный вкус моих любимых помидоров. Во время приготовления еды папа всегда ставил какую-нибудь лёгкую музыку, от любимых им итальянцев - Аль Бано и Ромина Пауэр, Рикардо Фольи - до Юрия Антонова. Поэтому для меня музыка и еда связаны неразрывно. Я по сей день готовлю и убираюсь только под музыку. Конечно, у меня есть свой собственный плейлист, но корни были заложены в детстве. К вечернему чаю с обязательной трубкой папа ставил или джаз, или что-то из бардов, по настроению. Вот почему тихие семейные посиделки за чашечкой чая у меня всегда ассоциируются с Окуджавой. «Надежды маленький оркестрик под управлением любви». «Кларнет пробит, труба помята. Фагот, как старый посох стёрт. На барабанах швы разлезлись, но кларнетист красив как чёрт». Когда я прихожу на рынок и вижу ряды разноцветных, сочных солений, выложенных горками в пластиковых тазах - ароматных помидоров, хрустящих огурцов, моченых наливных яблок - и вдыхаю пьянящий запах пряного маринада, у меня в голове звучит «Феличита». И чтобы не заканчивалось это счастье, я никогда ничего не пробую. Потому что, стоит только попробовать, и прекрасная мелодия

превращается в звук съехавшей с пластинки иголки. Прямой, как деревянная линейка, и такой же плоский уксусный вкус, напрочь забивающий и сам помидор, и все специи. В послевкусии – зонтичный укроп, чеснок и лавровый лист. Никакой пряности, никакой сладости. Одна зелёная тоска, и никакая не «Феличита» из моего детства. Все самые сложные и трудоёмкие процессы подготовки продуктов для заморозки - например, как вам перемыть и перебрать десять килограмм зеленой фасоли, обрезать ножницами кончики с хвостиками, расфасовать по пакетам и часть отправить в морозилку - сопровождалась именно лёгкой, весёлой музыкой.

Ручки ножниц были покрыты гладкой зеленой эмалью, которая вечно откалывалась и врезалась в кожу. То еще удовольствие, но под «Летающей походкой ты вышла из мая» жалеть свои пальцы было намного приятнее. А вот консервация и мои обожаемые помидоры – это почти всегда или «*Storie di tutti i giorni*» Рикардо Фольи, или «*Felicità*» Аль Бано и Ромины Пауэр. Чаше последнее. Я до сих пор помню их пластинку, выпущенную фирмой «Мелодия». На голубом фоне их совместная фотография, он смотрит в объектив, а она смотрит куда-то вдаль, придерживая рукой какую-то умопомрачительную шляпу. Они буквально излучали счастье. Поэтому для меня процесс консервации - это всегда счастье, с детства вплетённое в подкорку. И теперь, спустя годы и десятилетия, если я сама что-нибудь консервирую, то обязательно включаю музыку великих итальянцев.

Праздник случался в начале декабря. Когда все мозоли на пальцах уже зажили, и время постоянной резки-варки-закатки чего-то съедобного стиралось из памяти, мы собирали заслуженный за труды урожай и наслаждались его плодами. Папа всегда дегустировал заготовки. С середины месяца открывался сезон гостей, и ему нужно было попробовать, что получилось, чтобы не ударить в грязь лицом. Я даже подарков под ёлкой не ждала с таким нетерпением, как ждала того момента, когда папа откроет первую заветную банку маринованных помидоров. Вы просто не понимаете. Папины помидоры – это произведение искусства. Я знаю, что говорю. За свою жизнь я перепробовала тонну маринованных помидоров. Я помидорный маньяк. Ни одни, даже самые домашние, самые разрекламированные, и близко - нет. Папины помидоры — это музыка. Это именно «Феличита». Они все были как на подбор, словно оловянные солдатики из коробки. Если попадался один покрупнее — это был командир. Если ещё крупнее – генерал. Я могу посчитать на пальцах одной руки, сколько раз у его маринованного помидора лопнула кожица. Как правило, это были невероятно красивые, ярко-красные помидоры. Чтобы вы хоть примерно себе представляли, что это такое, задам вам вопрос: Вы можете вообразить, что едите консервированный помидор, как хинкали? Откусываете маленький кусочек, с наслаждением вытягиваете губами сок, а затем, уже после первого гастрономического оргазма, с тем же наслаждением смакуете нежную, мяси-

стую, пряную помидорную мякоть, как начинку из хинкали. И даже недомаринованную жёсткую попку хотелось доесть, как хвостик от хинкали, хотя хвостики не едят. Папины помидоры были волшебные. Его магии подчинялся даже душистый перец, и, если у меня самой и у всех остальных он в консервации оставался обычным перцем, душистым, но не особо вкусным, то в банке папиных помидоров он превращался в нечто настолько божественное, что я всегда оставляла его на сладкое. И уже в самом конце, когда съедалась максимально допустимая норма, то есть примерно половина трехлитровой банки, я покорно доедала чеснок и черный перец. Папины маринованные помидоры просто взрывались во рту всеми возможными вариантами красок и вкусов. Самая красочная реклама «Скитлс», со всей продвинутой компьютерной графикой, даже близко не стоит рядом с тем восторгом. Это была та самая, невозможная, запредельная «Феличита».

ГЛАВА 3.

БАБУШКА СИРАНУШ

Моя бабушка всегда говорила: «Когда готовишь кушать, ты делишься с людьми своей любовью». Если бы вы знали мою бабушку лично, вы бы наверняка удивились таким словам. Характер у нее был не подарок. Едкий, язвительный, жесткий. Жизнь заставила, да. Но еда, это святое. Когда к бабушке Сирануш приходили гости, даже просто выпить кофе, она всегда накрывала стол, как на свадьбу. Вернее, мне так казалось. Сейчас, уже будучи взрослой, я понимаю, что

это были мои детские иллюзии. Которые я потом очень долго развенчивала. На самом деле бабушка накрывала весьма скромный стол к чаю или кофе, просто он был очень красивым. Со свечами, цветами, хорошей посудой, которая, в отличие от наших московских парадных сервизов, не стояла в серванте за стеклом в ожидании праздника. У бабушки вся посуда «для праздников» была для жизни. Она каждый день ставила на стол знаменитые фарфоровые тарелки с кобальтовой сеткой ЛФЗ, потому что искренне не понимала, как можно хранить вещи «для лучшего случая». Если лучший случай не сегодня, то когда? Вот поэтому мне и казалось, что бабушкин стол накрывался как на свадьбу. Для моего детского воображения свадьба была главным праздником в жизни. А по факту бабушка подавала к кофе только сухофрукты, орехи и шоколад, просто сервировала все это по высшему классу. Иногда по настроению пекла пахлаву. Печь она не очень любила, и свою нелюбовь к выпечке я унаследовала от нее. Её хапама, традиционный армянский плов в тыкве - отдельный мир, полный волшебства и тайных знаков, понятных только ей самой. Эти знаки я расшифровываю до сих пор, вспоминая, как бабушка Сирануш выбирала тыкву, и потом эта тыква три дня стояла на подоконнике, накрытая белым льняным полотенцем. Я хорошо помню, как бабушка вымачивала сухофрукты - изюм, алычу, курагу, айву. Как заваривала сироп, добавляя в него масло, мед и мяту, и заливала его в тыкву. Гораздо позже, уже будучи сильно взрос-

лой, я видела, как готовят хапаму в разных армянских домах. Бабушка делала всё по-своему, армяне точно так не готовят.

- Бабуль, что это?

- Особая еда. Судьбу меняет. От нее душа радуется. А когда душа радуется, она светится, она к Богу ближе. Бог её видит, и посылает Свою любовь и благословение.

- Зачем?

- Балэс, дебилские вопросы не задавай, да! Эта девочка свет потеряла, радость потеряла. Надо вернуть! Аскацар?

- Ба, масло зачем?

- С тобой ослиный навоз хорошо кушать, всегда вперёд лезешь. - И с усмешкой глядя в мои выпученные от ужаса глаза, снисходительно поясняла: - Масло, чтобы в жизни все было гладко, как по маслу, мед, чтобы его сладость забрала горечь из сердца. В серванте коньяк, неси сюда.

- Ба, а коньяк... Дебилские вопросы не задавать, да?..

- Ахчи, шушут ари, тебя только за смертью посылать!

У бабушки была одна знакомая армянка, тётя Варсеник. Красивая, очень печальная, лет около тридцати. По кавказским понятиям, даже в продвинутых 80-х годах, застывшая старая дева. Вся её семья подшучивала над ней, используя её горе как инструмент манипуляций. Члены семьи её несостоявшегося жениха, заведя издали брошенную «невесту», переходили на другую сторону улицы. Вчерашние подруги, его сёстры, перестали общаться - да и что общаться, всё и так ясно. Варсеник не проявила характер, не взяла би-

лет в один конец, не поехала за ним в Сибирь, а там будь что будет. Родители Варсеник предпочли обвинить в произошедшем собственную дочь - плохо старалась, вот жених и ушёл к другой; от хорошей девушки не уходят, - нежели пойти против всесильного отца горе-жениха. Он был какой-то важной шишкой. Ох, как бабушка негодовала. Я в жизни не видела её такой злой, она редко теряла лицо. Возможно, история Варсеник напомнила ей её собственную, когда она, будучи совсем юной девочкой, оказалась один на один с враждебным и лицемерным миром. Может быть - и скорее всего - она ненавидела подлость и лизоблюдство. И всегда называла вещи своими именами. «Ослиный зад есть ослиный зад, и не делай вид, что это крем брюле». Я думаю, дело было не в том, что «этот прохвост» встретил другую. Жизнь есть жизнь. Все дело том, что его семья знала - и давно знала, - что он не вернётся. И никто не нашёл в себе смелости и силы духа, чтобы прийти к Вареник и честно всё рассказать, повиниться за сына. Именно это, мне кажется, злило бабушку больше всего. Она часто повторяла: «Мужчина должен оставаться мужчиной не только тогда, когда ему удобно, а именно тогда, когда ему неудобно». Когда мужчина теряет лицо, вот тогда и происходит проверка, мужчина он или нет. Он так навсегда и останется с потерянным лицом, или все-таки попытается обрести его вновь? Семья «прохвоста» была немедленно отлучена от дома, несмотря на все возможные последующие «санкции». По двору быстро расползлась новость, что Си-

руша чудит, выжила из ума и принимает в доме неудачницу. Хотя, понятно почему - сама старая дева, с неудавшейся жизнью, поэтому и привечает убогих. «Добрые» языки соседа в кавказских дворах - это отдельная страница в ежедневнике жизни. Если о вас не судачат, если вам не перемышляют кости хотя бы пару раз на дню - куда пошла, с кем пошла, во что одета, не так кивнула, - значит вас попросту не существует, вы не представляете никакого интереса. Вы существуете только тогда, когда даёте повод почесать язык о свою персону. Этот «талант» я тоже унаследовала от бабушки.

По этой части бабушка дала бы фору любой современной звезде. Ей даже не нужно было ничего делать. Однажды она прочитала в каком-то журнале совет, что волосы нужно накручивать на бигуди, предварительно смазав их пивом. Она купила бутылку, что само по себе стало событием. Бабушка и пиво - вещи несовместимые. Продавщица в магазине по секрету сказала об этом соседке, та поделилась со своей подругой, та, в свою очередь - тоже по большому секрету, - сказала своей сестре, которая дружила с женой папиного одноклассника. Когда тот позвонил папе в ночи и без всяких прелюдий заявил, чтобы он забирал мать в Москву, она в одиночестве грустит и спивается, и среди бела дня хлещет пиво из горлышка прямо на улице у дома Правительства, не иначе. Сразу нашлись свидетели, которые слышали, как она, сидя на лавочке на центральной площади и будучи в сильном подпитии, ругала коммунистический строй и генерального

секретаря КПСС, что уже само по себе невозможно представить: бабушка была убеждённой, идейной коммунисткой. Она просто купила бутылку пива, чтобы опробовать совет из журнала. Но это обросло такими подробностями, что папа посреди ночи позвонил в Баку. Разбудил бабушку, и она, перепуганная, долго пыталась вникнуть в смысл претензии: «Джан, ничего страшного не случилось? Как Тома, как моя Анушик? Ованес не болеет? На работе всё хорошо?» А когда вникла, то, абсолютно не стесняясь в выражениях, высказала всё, что думает и про умственные способности собственного сына, и про всех остальных.

На все бамбасы - сплетни по-армянски - бабушка реагировала лишь одним способом. Поджимала губы, задирала подбородок повыше и шла на рынок, крепко держа меня за руку. Хотя «шла» - не то слово. Она плыла, как ледокол, неторопливо прорезая толпу, вежливо кивала на приветствия и делала то, за чем, собственно, пришла. Покупала овощи, фрукты, благодарила за подарки внучке, договаривалась с мясником, когда зайти за разделанной бараниной. И тихим, ровным голосом сообщала продавцам, что завтра у неё дома гости, но приглашённых меньше, чем ожидалось, ведь некоторых пришлось не позвать. Поэтому и покупок сегодня меньше. Полюбуйтесь, какая формулировка: «НЕКОТОРЫХ ЕЙ ПРИШЛОСЬ НЕ ПОЗВАТЬ». «Порядочных людей почти не осталось, а кормить в своём доме прохвостов - себя не уважать. Мне деньги с неба не сыпятся, и алмазный рудник мне

дедушка не завещал». Она как бы извинялась перед торговцами, что мало покупает. В хорошие времена она оставила бы на рынке рублей двадцать пять, купила бы икры. Вы помните, что такое в те времена двадцать пять рублей? Фиолетовая бумажка с портретом Ленина – треть месячной зарплаты советского инженера. А сейчас она оставляет только десять, да и то с большой натяжкой. Нет гостей, ради которых она пошла бы на большие траты. К сожалению. Бабушка в красках рассказывала, как сэкономила, буквально недоедала, не ходила с внучкой в кино и на аттракционы, и торговцы на рынке жалостливо качали головой, глядя на недоедающую и лишённую прелестей жизни внучку – то есть, меня – и накладывали «с походом» в её пакеты персики, помидоры, виноград. И теперь во дворе обсуждали уже не несчастную дочку врача, а недостойных людей, которых уважаемая текин не позвала в гости. Как они только посмели вызвать её недовольство и тем самым нанести урон их кошельку?! Это продолжалось ровно до того момента, пока на рынок не приходил кто-то из «враждующего» клана и не рассказывал свою версию отлучения. Это была шахматная партия. Когда мы выходили с рынка, я совестила бабушку, дёргая её за рукав, и напоминала, что, когда меня отправили к ней, папа дал мне с собой денег, которые мама зашила в карман моей футболки. На что бабушка отвечала, не моргнув глазом: «Ой, эта ерунда тебе на орешки. И что это ты меня отчитываешь? Яйца курицу не учат, веди себя прилично». Теперь про орешки.

В детстве я обожала неочищенный арахис, он стоил пятьдесят копеек за килограмм. На те деньги, которые я привезла зашитыми в кармане, эти орешки я могла есть по полкило в день месяца два. Но я благоразумно прикусила язык и не стала спорить с бабушкой. По дороге домой, бабушка продолжала воспитательную беседу, выговаривая мне, что Бог не случайно дал человеку два глаза, два уха и только один рот: чтобы видеть и слышать в два раза больше, и в два раза меньше болтать. Перед последним словом она выдерживала поистине мхатовскую паузу, приподнимала мою руку, зажатую в её ладони, наклонялась к моему лицу и делала круглые глаза. Мои попытки оправдаться, что я же не при всех это сказала, терпели оглушительное фиаско. Бабушка застывала на месте, иронично поднимала бровь и говорила: «Еще не хватало, чтобы ты меня отчитала при всех! Спасибо, добрая девочка! Ты совсем, что ли, ку-ку»? Что такое связи с общественностью и как ими управлять, моя бабушка знала еще в безмятежные восьмидесятые годы прошлого века. И спокойно могла бы провести не один обучающий курс по этой дисциплине. И поверьте, многие современные гуру пиара были бы положены на лопатки. Одним своим походом на рынок она на корню пресекала все сплетни и восстанавливала справедливость. Она виртуозно умела объединять абсолютно разных людей и вовлекать их в свои интересы, но только во имя чего-то хорошего и только ради других. Никогда - ради себя. Она живо интересовалась судьбой внука завхо-

за, бесплатно занималась английским с дочкой слесаря, передавала маме вдовца из соседнего подъезда рыбный суп из осетрины, в стеклянных банках. А чтобы сын соседки точно поступил в иняз, она передала с ним подарок, а в сопроводительном письме написала, что отправляет самое главное сокровище в своей жизни, пластинку «Евгения Онегина» с изумительным Козловским, исполняющим партию Ленского. Я не буду здесь повторять, что именно бабушка говорила про исполнение того Козловского. Она была отъявленной лемешисткой. Поясню. В середине прошлого века в Союзе было два выдающихся тенора, Лемешев и Козловский. И вся огромная страна, со всеми пятнадцатью республиками, делилась на два лагеря. Поклонники Лемешева – лемешисты и лемешистки, а как звали поклонников и поклонниц Козловского, догадайтесь сами. Впрочем, пластинки с записями и того, и другого хранили как самое дорогое сокровище, невзирая на личные пристрастия. Главное – результат. Сын соседки поступил в институт и сделал хорошую карьеру в МИД. Мне очень не хватает этого её умения. Бабушка всегда откуда-то знала, как будет правильно, и никогда не ошибалась. Я её бледная копия, хотя очень стараюсь соответствовать.

*

Но вернемся к рассказу о Варсеник. Бабушка принципиально звала её Никой, богиней победы. Чем приводила в дикое бешенство всю ее родню. Да, я помню, как бабушка обо-

жала идти против ветра. И помню, как меня поразило, что в свои неполные тридцать лет Ника - ещё далеко не старуха - была уже почти седая. И серая, словно, присыпанная пеплом. Она работала в школе учительницей начальных классов.

Бабушка рассказала мне её грустную историю. Ее жених, армянин, уехал служить куда-то в Сибирь. Обещал вернуться и сыграть свадьбу. Она ждала два года. А он после армии решил остаться там, где служил. Обещал, что как только обустроится, заработает денег, вызовет Нику к себе. Она бережно хранила все его письма - как самое дорогое доказательство его любви, - и часто приносила их к моей бабушке. Я видела, как бабушка неодобрительно поджимала губы, но ничего не говорила. Просто молча слушала, как Ника зачитывала его планы на будущее. Совместное с ней. Так прошло еще три года. К Нике многие сватались, но она ждала своего любимого. А потом получила письмо, что в Сибири он женился на русской девушке. И его жена ждет второго ребенка. Помню, как бабушка возмущалась: «Аствац, ты видишь или тебе показать?.. Прохвосты! Вай ме, вай ме, что за люди. Совесть чка, макардак чка. Бакинский армянин и Маша с Уралмаша. Вай ме, чтоб ты там себе все причиндалы отморозил. Дэбил! Не переживай, балес, все перемелется, мука будет...».

*

Несколько слов про макардак, который совсем чка. Макардак в переводе с армянского – уровень. Чка - это нет. Ес-

ли вам сказали, что ваш макардак чка – поздравляю. Только что, мягким ластиком, вымоченным в керосине, вас стёрли с системы координат приличной армянской интеллигентной семьи. Вас больше не существует. Свою жизнь вы прожили зря. Макардak – мера твоей целостности и нужности этому миру. Что бы ни случилось, сохраняй уровень. В жизни может быть множество соблазнов, мир может рушиться прямо у тебя под ногами, но ты все равно сохраняй уровень, держи лицо, помни, кто твои родители. Держать макардак – это значит принадлежать к определённой касте, быть в хорошем смысле неприкасаемым. Уважать своё слово, помнить про честь и про совесть, быть избранным не только по праву рождения в семье с правильными ценностями, но принять эти ценности всей душой, выбрать их главным постулатом собственной жизни, нести их дальше, передавать детям и внукам. Макардak чка – это пропащий человек, потерявший ориентиры. «Макардак чка» и «Аствац, ты видишь или тебе показать?» – самые страшные ругательства моего детства. Это что-то сродни довлаговскому «абанамат», которым грозный дед, мамин папа, одаривал всех направо и налево.

*

И еще одно отступление. Мне в детстве очень нравилось словосочетание «интеллигентная семья». Не знаю, чем оно меня так прельщало, но начиная лет с пяти, еще не до конца выговаривая буквы, я всем гостям сообщала с порога, то они пришли в «интиигеную семью». Когда я подросла, мне

доходчиво объяснили, что по-настоящему культурный и интеллигентный человек никогда не станет подчеркивать свою интеллигентность. Это как раз признак обратного. Так себя ведет только плохо воспитанный и малообразованный человек. Выставлять напоказ свой достаток, дорогие вещи, одеваться нескромно и не к месту, обсуждать с посторонними бамбас-мамбас (сплетни-фигетни) - всё это признаки дурного тона. Другие признаки дурного тона: прилюдно причесываться, освежать макияж, брызгаться духами, - для этого есть дамская комната. Глубокое декольте, открытая спина уместны только на пляже или в общественной бане. Или на приёме у английской королевы, но тогда нужно накинуть на плечи шаль. Если бабушка видела, что корпулентная дама, особенно дама в возрасте - пусть даже в тридцатиградусную влажную бакинскую жару - позволяет себе выйти в люди в открытом сарафане, то всегда неодобрительно отводила глаза. Как-то раз с ней мы ехали в автобусе, и одна такая дама взялась за поручень прямо над нами. Дама была одета в красивое шелковое платье, только с очень большим вырезом на груди и без рукавов. Бабушка незамедлительно встала, взяла меня за руку и ровным голосом попросила позволить ей пройти. Дама плюхнулась на наше место и, неуклюже трепыхаясь, как не в меру упитанный пингвин, принялась выправлять из-под себя платье, потом достала из сумочки носовой платок и начала вытирать испарину со лба, шеи и зоны декольте. Когда мы вышли из автобуса, бабушка в красках мне описала, что

выдаёт в женщине «мартуни совхоз».

- Если ты в платье и хочешь сесть, сначала расправь подол, незаметно для окружающих подоткни его под себя рукой и убирай руку, только когда почти села. Тогда тебе нет нужды неловко ерзать, показывая всем свою невоспитанность. И никогда не демонстрируй подмышки, это моветон, ты еще юбку задери. И кстати, бриллианты плохо сочетаются с общественным транспортом. Если ты нашла средства на бриллианты, то найди два рубля на такси. Всегда помни Наташу Ростову на первом балу. Пусть мир рушится у тебя под ногами, ты должна устоять и деликатно положить руку на плечо кавалера. Уже давно нет ни Наташи Ростовской, ни тех балов. Все активно демонстрируют не только подмышки, а еще и чего похлеще. Мир изменился. Но я всегда помню, что говорила мне бабушка. Никакая жара, никакая мода не могли свернуть текин Сируш с её колеи. Даже в самую сильную бакинскую жару она не позволяла себе ходить с голыми ногами и всегда надевала тонкие капроновые колготки. Никаких открытых пяток или, Боже упаси, открытых пальцев ног. Рукав на платье – три четверти, юбка - на две ладони ниже колена. Никаких кричащих вырезов, всё очень умеренно и прилично. Если бы бабушка увидела, как я спокойно выбегаю в магазин у дома в пижаме, накинув сверху шубу или пальто, меня бы ждал расстрел. Переоделась в уличное - и иди куда хочешь. А если бы бабушке стало известно, что я хожу и в открытых босоножках или в платье с большим декольте - и

не в театр с кавалером, а просто так, для себя - считайте, что мой хладный, уже расстрелянный труп выкопали из могилы, расстреляли опять и закопали обратно. И еще потоптались бы сверху ногами. Локти на стол, ноги на стол – всё, что я так люблю и часто себе позволяю, - макардак чка. Я представляю, что сказала бы бабушка про многих современных светских дам. Самое приличное: дамы полусвета. Непозволительно разговаривать слишком громко, недопустимо показывать свои эмоции, особенно когда они быют через край. Бабушка всегда цитировала мне строки из ее любимого Евгения Онегина:

Учитесь властвовать собою.

Не всякий вас, как я, поймет.

К беде неопытность ведет.

Я не знаю, по каким сусекам я всю жизнь, с самого детства, наскребаю эту смелость - прорываться через навязанные установки и жить так, как считаю нужным и правильным. Стараясь, с одной стороны, жить своей жизнью, а с другой – помнить про макардак. Но, как говорится, от осинки не родятся апельсинки. Моя бабушка в свои семнадцать лет пошла против воли семьи и уехала из нелюбимого дома, от нелюбимой мачехи-немки, бывшей гувернантки, которая не смогла или не захотела стать ей ни матерью, ни подругой. У новой отцовской жены уже родились свои дети, зачем ей чужие? Украд фамильные драгоценности, моя совсем еще юная бабушка сбежала от отца в Советскую Россию. Только

та приняла её отнюдь не милостиво. Всё, что прадед оставил своим приказчикам - его дальним родственникам - в надежде что большевики не продержатся долго, было утрачено безвозвратно, если говорить мягко. А если называть вещи своими именами, попросту украдено и присвоено себе. Когда бабушка вернулась, вчерашние слуги вдруг оказались хозяевами нового мира.

У нее не осталось вообще ничего. Ни денег, ни связей. Хочешь жить – иди мой посуду. Всесильного отца, моего прадеда, больше не было. И никто не считался с глупенькой семнадцатилетней девчонкой. «Твой отец больше здесь не миллионер, и мы тебе ничем не обязаны». Я понимаю, как унижительно это было: просить помощи у вчерашних нахлебников. Еще недавно она, будучи ребёнком, ездила в открытом фаэтоне, и все заискивали и кланялись, а теперь она сама вынуждена кланяться тем, кто еще вчера был приживалой её отца. И она мыла посуду, спала на улице, получала новое образование и профессию. Она прожила очень трудную, но честную жизнь. И те принципы, которые она вложила в меня, они до сих пор со мной. За что я очень ей благодарна. Именно бабушка Сирануш определила мое отношение к жизни. Я помню, как она негодовала, когда папа поехал встречаться с дядей Христиком, её единственным единоутробным братом. Прабабушка, рожая его, умерла. Его воспитала та самая гувернантка.

Выждав положенный траур, прадед женился на ней, и в

новом браке родились две бабушкины сестры по отцу. Бабушка рассказывала, как однажды спасла своего младшего брата, который мачехе был не нужен. Он купался в бассейне - представьте, у моей бабушки когда-то был большой дом с бассейном в Тегеране - и начал тонуть. Никто не пришел ему на помощь, только бабушка что-то почувствовала и выбежала в сад. И успела его спасти. После чего, в свои неполные семнадцать лет, высказала мачехе и отцу всё, что она о них думает. Именно этот случай побудил её стащить свои драгоценности, продать их и купить билет до Баку. И когда более полувека спустя её брат приехал по делам в Москву, папа с ним встретился, а бабушка негодовала. Дядя Христик подарил папе магнитофон «Sony», чем привёл её в совершенное неистовство. Папа был миротворцем. Выросший в детском доме, с детства один, он поддерживал связи с семьей, каждое письмо от своих двоюродных или троюродных сестер зачитывал вслух и хранил эти письма как зеницу ока. Бабушка была настроена скептически и каждый раз говорила что-то вроде «энфан путан». Письма детей не очень порядочной женщины. Французским бабушка владела в совершенстве. За этот магнитофон она еще долго выносила папе мозг: как можно потерять гордость и пойти на встречу с предателем?! То, что предателю на момент её побега было от силы года четыре, бабушка почему-то умалчивала. Но на всю жизнь сохранила обиду на своего отца и его новую семью, в которую не вписалась, и которая чуть позже - в том числе на деньги от

её наследства - благополучно эмигрировала в Америку. Которую бабушка ненавидела всем сердцем. Её семья построила там счастливую жизнь без неё. Котлета в хлебе – это не культура, так она говорила. И когда я пыталась хоть что-то возразить и приводила последний аргумент: «Твой обожаемый Рахманинов закончил жизнь в ненавистной тебе Америке», - она всегда отвечала:

- Куриные твои мозги! Если бы у него был выбор, он никогда не уехал бы из России. Он по ней тосковал и свои самые сильные свои вещи написал именно в России. А в Америке он не жил, а просто доживал. И не случайно посадил сирень под окнами своего американского дома».

Не смотря на свою карабахскую кровь - и будучи на двести процентов армянкой - бабушка нежно любила русскую культуру, музыку, литературу. Обжала Пушкина, трепетала перед его талантом, могла с любого места на память цитировать большие отрывки почти из любого произведения, не только из «Евгения Онегина», но из «Полтавы» или «Бахчисарайского фонтана».

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою радостной сидели.
И с детской радостью глядели.
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.

Она обожала, просто обожала «Евгения Онегина», и мы часто гадали на этой книге. Я называла страницу и строчку, она их находила и читала ответ на вопрос. И это всегда было стопроцентное попадание. С удовольствием напевала игривые куплеты Трике, особенно на французском. «Какой прекрасный этот день. Mesdames, я буду начинать. Прошу теперь мне не мешайт». Это значило, что нее было прекрасное настроение. Кстати, о настроении, раз уж я так увлеклась описанием характера бабули. По её лицу никогда нельзя было понять, какое у неё настроение. Она почти не «играла» лицом - это дурной тон. Очень редко гримасничала, особенно прилюдно. И часто пеняла мне за моё неумение «держатъ лицо»: «У тебя на лице можно прочитатъ все отметки за прошлую четверть». Я в ужасе кидалась к трюмо в коридоре и пристально разглядывала в зеркале свою физиономию, пытаюсь найти на ней тройку по математике. Помимо умения держатъ лицо и спину, у бабушки было еще несколько неукоснительных правил соответствия её табели о рангах. Умение накрыть стол и принять гостей в армянских девушках закладывается почти с рождения. Это сродни ежедневной чистке зубов и прочим гигиеническим процедурам. Само собой разумеется, потому что - а как иначе? Не чистить зубы, не умываться, ходить непричесанной? Как это - ты не умеешь накрыть стол на тридцать человек, и у тебя дома не приготовлен обед. Ты здорова? Может, вызвать врача? Бабушка была человеком железной дисциплины. Уже будучи

возрастной женщиной с артритом, она ежедневно и неукоснительно просыпалась рано утром, делала гимнастику по методу Галины Шаталовой, затем принимала душ, молола кофе ручной кофемолкой, варила его себе на тихом огне, завтракала, затем делала уборку, поливала цветы, обязательно протирала горшки и на мои «дэбильные» вопросы «зачем, они и так всегда чистые, ты же вчера протирала», отвечала: поэтому и чистые, что всегда протираю. Для этого она заранее набирала ведро воды, брызгала туда из разных пузырьков, - вода приобретала запах сирени или ландыша. У неё были деревянные полы, которые она обязательно раз в неделю натирала воском, а затем махровым, истрёпанным полотенцем. И обязательно целый час вечером играла на фортепиано, разрабатывая пальцы рук. У неё царил идеальный порядок, и в письменном столе, и в шкафах на кухне, даже тряпку для пола она раз в неделю кипятила с отбеливателем, а затем гладила утюгом и вешала на железное ведро, которое стояло в уборной. У её дома была стерильная чистота, причем поддерживала она её совсем простыми средствами. Единственное, что из всего этого я забрала в свою жизнь – я варю себе кофе по утрам. И то - из уже помолотого. На детях, и тем более на внуках великих людей природа отдыхает. При этом сухарём или занудой бабушка не была никогда, наоборот, она была лёгким, веселым и очень живым человеком. Любила театр, особенно музыкальный – оперу, балет. Знала всех артистов и певцов, не только советских,

но и зарубежных. Собирала грампластинки, причём не только классику. Пыталась слушать бардов: Высоцкого, Окуджаву, Галича. Высоцкого любила: «Он сердцем жил». Галича и Окуджаву уважала, но не любила: настоящего сердца в её понимании в них нет, сплошное замысловатое назидание и словесные блудни.

У неё было две любимые Тамары, Милашкина и Синявская. Бабушка очень ценила их деликатное пение. Обожала Вишневскую, особенно арию из «Бразильских бахиан». Часто ставила её мне и всегда говорила: «Послушай, КАК она просит. Она не просит, а требует музыкой. Надо уметь требовать ТАК, что вырывается всё нутро. Помяни моё слово, её исполнение никто и никогда не превзойдет. Многие будут пытаться, но это всё блудни». Не любила Образцову. Вернее, не так. Отдавала ей должное, очень уважала её талант, но слишком напористая манера его выражения была ей не близка. Если мы смотрели по телевизору постановки Большого или Кировского театра, бабушка всегда обращала моё внимание не только на голос, но и на технику исполнения, на то, КАК поёт артист. Самая яркая иллюстрация, оставшаяся со мной с детства – картинка из «Краденного солнца» Корнея Чуковского с иллюстрациями Васнецова. Помните, была книжка, где на обложке, на сине-голубом фоне моря, медведь стоит на крокодиле и держит его за пасть, а оттуда выходит солнце. Я брала собой на лето любимые сказки, и мы с бабушкой читали их по ролям. И вот мы смотрим опе-

ру, певец берет очень высокую ноту и тянет её бесконечно долго, широко разевая рот. Бабушка открывает «Краденое солнце» на иллюстрации, где крокодил, широко распахнув пасть, выпускает солнце.

«А из пасти из зубастой.

Солнце вывалилось.

В небо выкатилось».

Бабушка молча показывает мне страницу и кивает на телевизор. Картинка из детской книжки визуализируется на телеэкране и на всю жизнь врезается в память. Певец открывает рот, и кажется, что оттуда вот-вот выкатится солнце. Бабушка умела объяснить так, что её объяснения оставались с тобой навсегда. При этом ничего особо не объясняя. С тех пор я волей неволей обращаю внимание на то, как именно певец открывает рот. И если я вижу гланды – неважно, кто исполнитель, и какие у него или неё регалии, - то вспоминаю картинку из детской сказки. Крокодил, который солнце проглотил. «Собинов не кричал, Лемешев не кричал, Нежданова не кричала, Каллас не кричала, Мирела Френи не кричала, а уж они как никто имели право открыть рот пошире. Они говорили музыкой, они уважали музыку, а не кричали ей во все горло. Это и есть культура».

Раз уж мы заговорили про музыку, тут будет еще одно отступление. Все дети из приличной армянской - и не только армянской - семьи должны учиться музыке. Это основы бытия. Музыкальный слух и трепетная муза Эвтерпа, покрови-

тельница лирической поэзии и музыки, обошли мою колыбель стороной и лишили одной из главных мирских добродетелей. Но, если судить по тому, какой путь я выбрала своим служением, у моей колыбели с рождения жарил яичницу с помидорами всемогущий бог Дионис. Бог плодородия, бог виноделия, бог урожая, бог праздника и покровитель театра. Я не в обиде. Наоборот, лучшего покровителя я бы и не желала. Моя музыка воплощается в еде, через неё я слышу мир. И Дионису служу верой и правдой, не щадя живота и печени. Я с детства училась слышать музыку сердцем, а не ушами и до сих пор не отличу «ми» от «ля». Но благодаря моим наставникам - бабушке и папе, а позже моим старшим друзьям, которые учились у Нины Дорлиак, Генриха Нейгауза и ещё многих, чьи имена навсегда вписаны в золотой фонд нашей культуры - я знаю, что можно развить если не слух, то музыкальный вкус. Вкус – такая же мышца, как и все остальные, и его можно натренировать. Мне посчастливилось быть знакомой со многими очень хорошими музыкантами, которые после ухода бабушки и папы продолжали и продолжают формировать и направлять моё музыкальное воспитание. Бабушка очень меня жалела, но по-своему. Отсутствие у ребенка музыкального слуха – то еще «благословение небес» в приличном доме, и она это хорошо понимала. Пытаясь меня защищать, она высмеивала папу за его постоянные попытки развить во мне этот слух. Когда он почти смирился и по настоянию педагогов из музыкальной школы отдал меня на

плавание, то зачем-то записал на синхронное. Бабушкины язвительные комментарии заставили его перезаписать меня в обычную секцию.

«Я тебе удивляюсь, вот ты затейник. На земле у неё слуха нет, а под водой вдруг появится? Ты еще в кружок юных космонавтов её запиши, вдруг в космосе повезёт».

Если после прочтения у вас появилось стойкое ощущение, что я росла в филиале института благородных девиц, где ничего нельзя, и есть только долг и страшное слово «макардак», уверяю вас, это не так. Я не стояла в углу голыми коленями на горохе и не читала за каждую провинность «Отче наш» по сто двадцать раз. У меня было самое счастливое, безоблачное, советское детство. Меня обожали, любили, воспитывали, наказывали, как и всех. Я очень залюбленный и зацелованный ребёнок. У меня были красивые платья, дорогие игрушки, меня водили на все значимые спектакли и культурные мероприятия: от «Чиполлино» в Большом до лекций о музыке Светланы Виноградовой в БЗК. Я помню «Синюю птицу» в театре Натальи Сац, ту самую, с волшебным лесом. Помню классическую постановку «Сказания о невидимом Граде Китеже и Деве Февронии» с декорациями по иллюстрациям Коровина и Васнецова. Много лет назад я пришла в Большой театр и увидела черный задник и очень умеренные декорации. У меня как будто отняли часть моего детства. В моём детстве, усилиями родителей и государства, было так много всего настоящего, яркого, красивого,

светлого, что роптать я просто не имею права. Мне немного жаль современных детей, у них есть Тик-Ток и малообразованные блогеры, красивая картинка без содержания. В моём детстве я слушала сказки на грампластинках, озвученные голосами великих актёров. «Конька-Горбунка», «Руслана и Людмилу», «Сказку о рыбаке и рыбке» мне читал Олег Табаков. Крота в «Дюймовочке» озвучивал корифей МХАТа Михаил Яншин. «Жену кормить надо, а жёны они знаете какие прожорливые». У нашего поколения, чье детство пришлось на 1980-е годы, памяти сразу же возникает и картинка с обложки пластинки, и голос.

«А мы уйдём на север, а мы уйдём на север. Ну, а когда вернемся, не будет никого. Не только лягушонка, и косточек его». Вспомнили? «Акела промахнулся». Теперь точно вспомнили. Это шакал Табаки из «Маугли». А знаете, кто его озвучивал? Сергей Мартинсон. Угольщик Филипп из «Алых Парусов».

А советские мультфильмы! «Четыре сыночка и лапочка-дочка». Уверена, вы снова узнали голос. Это Георгий Вицин, тот самый Трус из «Приключений Шурика». Волк из «Ну погоди» - Анатолий Папанов. Рина Зелёная - та самая черепаха Тортила из «Буратино». Ее голосом говорит и Вовка в Тридевятом царстве. «Во-первых пирожное, во-вторых конфет, а в-третьих мороженое». Этот список можно продолжать до бесконечности. Мое детство было невероятно солнечным и светлым. Я очень часто слышу за спиной:

Кто, интересно, за ней стоит? Почему во времена тотальной толерантности и лицемерия она может позволить себе называть вещи своими именами?

За мной никто не стоит, кроме моего счастливого и честного детства. И многомиллионной страны, в которой для этого детства делалось только самое лучшее. Но было и другое. Трагическое. И это тоже часть меня и моего, как мне казалось тогда, безоблачного детства. Все события, происходившие со страной, происходили и со мной тоже, и я была их участницей, вольной или невольной. Разобраться в степени их трагичности я смогла лишь спустя много лет, когда повзрослела, через многое прошла и осознала смысл многих событий. У бабушки была просто феноменальная интуиция. Она могла посмотреть на человека и понять всё, что он из себя представляет. По каким-то своим ориентирами она определяла его суть, и никогда не меняла первоначальное мнение. И всегда оказывалась права. Кстати, этот её дар передался и мне. Я тоже могу интуитивно предчувствовать события, еще не произошедшие. И никогда не ошибаюсь в людях. Этот дар перешел ко мне по наследству.

Когда на последнем пленуме ЦК КПСС выбрали нового генерального секретаря, бабушка в красках - и не стесняясь в выражениях - высказала всё, что думает по этому поводу.

«Много крови будет на его руках, много бед. Он пришёл, чтобы развалить страну, попомните мои слова».

На дворе стоял безмятежный 1985 год, я пошла в первый

класс. Бабушкины слова казались бредом сумасшедшей. Поверить в них тогда было просто нереально. Прошло буквально два-три года, и страна запылала кострами межнациональной розни. Сумгаит, Ош, Тбилиси, Баку, Ташкент. В каждой республике вчерашние братья, друзья, соседи, жившие мирно целых семьдесят лет, грабили и убивали друг друга. Делили власть. Чтобы развалить такую страну, нужна была кровь. Много крови. Это я понимаю сейчас. Совсем недавно я смотрела передачу про Джуну, в свое время известную целительницу. Многие, знающие её лично, вспоминали, как она часто говорила: «Нас – Джуну, Чумака и Кашпировского – держали как трех клоунов, которые отвлекали народ, пока страну буквально раздирали на части». Тогда, в 1985 году, мало кто понимал, что грядет. Тем более что мог понимать семилетний ребенок? Тогда я не понимала вообще ничего. Я просто слушала и впитывала всё, как губка.

Я вернулась из турпоездки со своим классом, мы ездили по Золотому кольцу. Было начало февраля. В коридоре стояли баулы, дверь на кухню, всегда открытая нараспашку, была плотно закрыта. Из-за двери доносился тихий, полный ненависти голос бабушки. Меня удивило, что она к нам приехала. Она не собиралась в Москву раньше лета.

«Пусть в аду горит, меченый чёрт. Пусть провалится в преисподнюю за всё, что сделал. Чтоб ему пусто было, проклятый колхозник. Сколько горя он принёс. Чтоб ему ни дна, ни крыши. Ни дня покоя путь ему не будет». Папа пы-

тался её успокоить, «Мам, тише, детей разбудишь». После я узнала, что пока она была в поездке, папа пережил свой собственный, маленький ад. Бабушке дали десять минут на сборы, просто пришли и сказали: «Отдавайте ключи». А дальше – переполненные обезумевшими людьми автобусы, аэропорт, самолёт, Ереван. И звонок на домашний телефон: забирайте вашу бабушку. Папа сорвался, прилетел в Ереван, и то, что он там увидел, повергло его в шок. Бабушка сидела среди бесконечной толпы, на чужих баулах, в чужой кофте, потерянная и абсолютно не в себе. Не евшая несколько суток. Одной рукой она прижимала к себе две грампластинки и целлофановый пакетик с документами, в другой судорожно сжимала пачку печенья, которую кто-то ей дал, чтобы она перекусила. Папа так и нашел её, не понимающую, что происходит, забрал и привёз в Москву. Я открыла дверь и то, что увидела, повергло в шок уже меня. Бабушка, всегда аккуратная, отглаженная, ухоженная, с ровной спиной, сидела сгорбившись. Это было первым ударом. Она никогда не сутулилась. А когда сутулилась я, она всегда говорила: «Держи спину ровно, мир не должен лежать на твоих плечах, он лежит у твоих ног».

Она показалась мне крошечной, как воробушек. Моя монументальная бабушка, всегда сильная и уверенная в себе, стала какой-то потерянной, уязвимой. В старой кофте на пять размеров больше, она была в домашнем халате, успела взять только паспорт, сберкнижку и любимые грампла-

стинки, так и вышла к автобусу, увозящему её из понятной и устоявшейся жизни в туманную неизвестность. Кто-то, видимо, пожалел её и отдал свою кофту, чтобы она не замёрзла. Так она и приехала в Москву, растерянная, растрёпанная, непричёсанная и абсолютно седая. Я слышала её голос, понимала, что это она, но не узнавала её. Она всегда красила седые волосы хной, как все бакинские армянки, делала тугой французский пучок, тщательно закалывала его шпильками. Какие бы ни были времена, два-три рубля на маникюр она доставала из-под земли. И меня к этому приучила - руки всегда должны быть в порядке. Маникюрша приходила пару раз в месяц, делала бабушке маникюр, педикюр, выщипывала и красила седые брови, подкрашивала корни волос, ниткой убирала пушок над верхней губой. Я видела бабушку неприбранной только перед самым сном, когда она, сидя перед зеркалом в спальне, вытаскивала из прически все шпильки - получалась внушительная горка. Потом бабуля расчесывала волосы, заплетала тугую косу и ложилась спать. Когда я просыпалась, бабушка уже колдовала на кухне над утренним кофе, причёсанная, надушенная и красиво одетая. Вот почему я была в шоке, когда увидела бабушку совершенно растрёпанной. Мы с ней не виделись минимум год. Когда только начались волнения, меня больше не отправляли в Баку, и папа всеми силами пытался уговорить бабушку оттуда уехать. Она упорствовала, верила, что разум победит. Не сразу, но постепенно она рассказала мне, что там творилось. Я проби-

ралась к ней в комнату тайком, папа запрещал её беспокоить. Я только сейчас понимаю, что она тогда пережила. Что пережили все, кто оказался заложником гнилых политиков и трагической случайности, когда ты оказываешься не в то время не в том месте.

Когда я слышу, как ярые борцы за всё хорошее против всего плохого превозносят этого человека, как в его честь ставятся спектакли, и трепетные актрисы с влажными глазами испуганного олененка, воплощенная совесть нации, рассказывают мне о том, что именно сейчас нам необходим такой герой, мои руки мысленно сжимаются на их шее. И мне не хочется их разжимать. Мне хочется рассказать им про 12 миллионов жертв этой геройской политики по всему бывшему СССР. Про то, как женщин насиловали озверевшей толпой, как убивали детей, как выкидывали на улицы целые семьи, не дав даже десяти минут на сборы, как оскверняли могилы их предков, к которым они уже никогда не смогут вернуться и поклониться. А про геноцид русских в бывших братских республиках не слышали, нет? Как грабили и убивали национальные меньшинства, потому что кто-то сверху сказал: «Так можно». Еще много лет после развала Союза я слышала истории, как люди спасались от вчерашних друзей и братьев, как стояли под автоматами, как снимали с себя последнее - обручальные кольца, крестики, сережки, - лишь бы им дали уйти живыми.

Поговорка «лес рубят, щепки летят» хороша только тогда,

когда в эти щепки не превращается дерево твоей собственной семьи. Я знаю только про Баку. Но так было по всей стране, и это касалось не только армян, это касалось всех нацменьшинств, которые до прихода этого «меченного чёрта», проплаченного госдепом, спокойно жили себе и в Средней Азии, и на Кавказе. Бабушку не сломил геноцид, революция, предательство отца, война, голод, нищета, унижения. Ее дух всегда оставался крепким. А вот «меченый чёрт» с неграмотной русской речью её сломал. Через год она ушла, так и не смирившись с тем, что её мир потерян окончательно. И всем тем, кто пытается оправдать или возвысить этого демона, я скажу одно: вы не видели мою бабушку, вы не слышали ее рассказы. Сначала попробуйте пережить всё, что пережила она, а потом поговорим. Она никогда не делила мир по национальному признаку. И среди армян было много предателей, и сегодняшний лидер нации тому самое яркое подтверждение. И азербайджанцы протягивали руку помощи. Мир делится только на людей и нелюдей. У меня нет ненависти к каким-то нациям. Есть только ненависть к грязным политикам, играющим судьбами людей для своей выгоды. Бабушки больше нет, давно нет. Но она оставила мне в наследство самый прекрасный и волшебный мир. Абсолютно реальный и правдивый. И я очень стараюсь бережно его хранить.

*

Каждый раз к приходу Ники бабушка готовила хапаму – особенную еду. Они сидели на кухне, ели, пили кофе и тихо

говорили о чем-то своем. Меня бабушка выпроваживала в комнату, ставила пластинку с «Чиполино» или какой-нибудь другой сказкой. Выдавала мне раскраски, альбомы и карандаши. В её представлении я должна была слушать пластинку и рисовать. Но я никогда не подчинялась чужим представлениям, даже бабушкиным. Я нахально подслушивала их разговоры. Бабушка громким шёпотом говорила: «Никогда никого не слушай, живи сердцем! Кто они такие, чтобы тебе указывать?! Куриные мозги. Не обращай внимания на наветы, иди на встречу судьбе!». Прошло несколько лет. Бакинские события, развал Союза. Бабушка уже жила с нами в Москве. И однажды достала маленькую черно-белую глянцевою фотографию. С трещинками и потертыми загнутыми уголками. На фотографии - семья в каком-то парке, на заднем плане аттракционы, карусели, чёртово колесо. Муж, жена и маленькая девочка, лет двух.

- Помнишь Нику?

Киваю. Еще раз смотрю на фото.

- Это ОНА???

Женщина на снимке светилась счастьем. Модная стрижка, модный костюм из варенной джинсы... Та самая Ника, потухшая, с вечным пучком, в свитерах и длинных мешковатых юбках. И совершенно новая женщина с новым мужем и ребенком. Контраст был поразительным

- Баааа! Это что, все твоя хапама?

- Дебильные вопросы не задавай, да!

*

Прошло много лет. Но я до сих пор верю, что еда заключает в себе волшебство. Которое мы творим сами. Это любовь, которую мы вкладываем в каждую ложку борща. Каждодневный благословенный труд, который меняет жизнь. Масло, чтобы все шло как по маслу. Мед чтобы убрать горечь из сердца. И дать вам силы для нового счастья.

РЕЦЕПТ ХАПАМЫ

НАМ НАДО:

Тыква «карета» - 1 шт., 2,5-3 кг.

Рис – 1 стакан.

Шафран – 1 ч.л.

Куркума – 1 ч.л.

Кориандр молотый -1/2 ч.л.

Чеснок – 1 головка.

Мёд – 2 ст.л.

Коньяк – 50 мл.

Масло сливочное – 50 гр.

Курага – 10-12 шт.

Чернослив – 10 -12 шт.

Финики – 10 шт.

Изюм – 1 ст.л. с горкой.

Подготовка:

Я делаю хапamu в три этапа. Еще с вечера накануне тща-

тельно мою сухофрукты и заливаю их тёплой кипячёной водой. Оставляю на 30 минут, затем обсушиваю полотенцем и заливаю коньяком.

Тыкву мою, отрезаю крышечку, ложкой выскребаю мякоть, добавляю внутрь соль и перец и растираю руками по всему объёму. Оборачиваю фольгой, ставлю на противень и отправляю в разогретую до 200 градусов духовку на 20 минут. Нужно, чтобы тыква немножко «осела». Это тоже делаю с вечера. Всю ночь тыква стоит в фольге, а сухофрукты в коньяке.

Дальше делаем так:

Берем стакан кипятка, разводим в нём шафран, куркуму и мёд. Рис тщательно промываем - я беру длинозёрный, пропаренный. Засыпаем промытый рис в тыкву слоями: слой риса, на него - сухофрукты, снова слой риса. Сливочное масло разрезаем на восемь кусочков, кладем по 2-3 кусочка на каждый слой риса. В центр кладём головку чеснока и утапливаем его в рис. Заливаем всё водой со специями, накрываем тыкву крышечкой, заворачиваем в фольгу и отправляем в разогретую до 180 градусов духовку на один час. За 10 минут до готовности фольгу можно снять, чтобы тыква подрумянилась.

Разрезаем на дольки и едим с удовольствием.

ГЛАВА 4.

ПАПА

Папа родился 23 декабря 1945 года. Как главный герой фильма «Москва слезам не верит». Гоша, он же Гога, он же Георгий Иванович. На все мои попытки узнать, где мой дедушка, папа перенаправлял меня к бабушке. Я знала, что бабушка с дедушкой развелись задолго до моего рождения. Но мне было непонятно. Мамино папу я знала, но где тогда папин папа? Он точно был жив, но почему-то не общался ни с сыном, ни с внуками. О том, что бывший бабушкин муж мне не дедушка, я узнала от папы., когда мне было лет двадцать. Оказалось, что папа — это плод страстного романа бабушки с каким-то армянским чиновником. Роман продолжался несколько лет, оба были несвободны. Видимо, это было действительно из ряда вон выходящее, запредельное чувство. Мне трудно представить, чтобы моя бабушка забыла про макардак из-за банальной интрижки. Это должно было быть что-то по-настоящему выдающееся и умопомрачительное.

Когда бабушка узнала, что ждет ребенка, она ушла от мужа. Снова в никуда. Жила очень бедно, её положение усугублялось еще и тем, что теперь она была не одна. У нее появился грудной ребенок. Спустя какое-то время она была вынуждена отдать его в детский дом. Она, конечно же, часто к нему приходила, навещала, никогда от него не отказывалась. И как только у неё выправилась жизнь, сразу забрала его к себе. По поводу точных дат — тут показания расходятся. У папы они были одни, у бабушки другие. В любом случае, то

обстоятельство, что папа вырос в детском доме, наложило сильный отпечаток на всю его жизнь. Я с детства слышала: «Я рос один, никто и никогда за меня не заступался. Поэтому я хотел, чтобы у меня было много детей и чтобы вы стояли друг за друга горой». Он, как и бабушка, был человек непростой и противоречивый. С одной стороны - невероятно упрямый, если не сказать упертый характер. Мало того что армянин, так еще и козерог. Не то чтобы с ним нельзя было поспорить или сказать слово поперек - можно. Просто это бесполезно. Хоть ты обспорясь, в твоей жизни не изменится ровным счетом ничего. Будет так, как он сказал. С другой стороны, папа – очень добрый и отходчивый. Любимец женщин, душа любой компании. Он был невероятно харизматичным, обаятельным и умел расположить к себе любого, от профессора до слесаря. И со всеми вмиг находил общий язык. Я стопроцентная папина дочка. С детства самая лучшая, самая красивая, самая крутая. Единственное, что его огорчало - тотальное отсутствие у меня музыкального слуха. Он делал множество подходов к снаряду, пытаясь этот слух во мне обнаружить. Мучил меня, мучился сам. Успокоился году в 1988 или 1989. На большие экраны вышел фильм «Кинг-Конг». Рядом с нашим домом был кинотеатр «Красная Пресня», и мы бегали смотреть этот фильм раз десять, не меньше. И когда папа в очередной раз потерпел прилюдное фиаско - он два месяца выучивая со мной все песни из классической программы поступления в музыкальную шко-

лу, а мне дали песню из невыученного репертуара, и я, как говорится, поймала белый лист, - то выдал сакраментальную фразу: «Нет, тебе не медведь на ухо наступил, тебе Кинг-Конг на ухо наступил». То есть, ухо, оттопанное медведем, папа еще мог бы реанимировать, но против Кинг-Конга даже он был бессилен. После этого папа слегка успокоился и оставил попытки дать мне практическое музыкальное образование, ограничившись теорией.

Мы с папой были самыми большими друзьями. Не знаю, как это получилось, но так было заведено с детства, буквально с пелёнок. Мама рассказывала, что, когда меня принесли из роддома, я весила 2,56 килограмм. И помещалась буквально на двух ладонях у папы. Мама боялась менять мои обкаканные пеленки, боялась что-нибудь мне ненароком сломать. Поэтому процесс подмывания и пеленания мог длиться целый час.

Тазики с градусниками, чтобы водичка точно была тёплой, ватка, полотенчики, грелка. Грелка была особенно необходима, если учесть, что я родилась в середине июля в Москве, а не в начале января где-нибудь на Сахалине. Папа долго смотрел на это представление, и когда в очередной раз мама разложила пеленки, просто взял меня, положил животом на свою ладонь, по словам мамы, как курёнка. Второй рукой открыл кран над ванной и подставил мою попу под струю воды. Переложил меня на спину и повторил процедуру. Потом завернул меня в пеленку и отнес в кроватку. Ма-

ма рассказывала, что я начинала орать как резаная, стоило ей только дотронуться до меня как-то не так. Она с ужасом смотрела, что будет дальше. И каково же было её удивление, когда после такой экзекуции я спокойно уснула и даже не пикнула. Видимо, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Ну или уже с пеленок я прекрасно понимала, что спорить с козерогом или показывать ему свой характер - заведомо бесполезно.

У нас с папой были свои собственные со-настройки, мы чувствовали друг друга всем существом, на клеточном уровне. Мои первые осознанные детские воспоминания: мне года три, я сижу на детском стуле - помните, были такие раздвижные стулья, которые превращались в столик? - и папа мне рассказывает, как он чинил машину. Карбюратор, сальник, мотор, шланг, аккумулятор. Позже, когда я подросла, он часто рассказывал мне о том, как прошел его день, как он встречался с дядей Сашей или дядей Сережей, какие у него планы на ближайшее будущее. Когда мне было лет двенадцать, я ждала папу с работы. Работал он много, приходил домой поздно. Мама, умаявшаяся за день, ложилась спать, оставив ужин на плите. Папа мог разогреть его сам, но, уже лёжа в постели, часов в одиннадцать, а то и в двенадцать ночи, я специально щипала себя под одеялом, чтобы не заснуть и дожждаться, когда у входной двери послышатся шаги, забренчат ключи и щелкнет замок. Осторожно, чтобы никого не разбудить, я сползала с постели и на цыпочках кралась на

кухню. Папа, замотанный и уставший, стоял у окна и набивал табак в трубку. Я ставила на плиту чайник - тогда у нас не было электрических, - деловито брала половник и переливала суп из большой кастрюли в маленький эмалированный ковшик. Как учила мама, чтобы не греть всю кастрюлю. Потом я подходила к папе сбоку и обнимала, а он клал мне руку на плечо и прижимал к себе. Эти несколько минут, пока грелся суп, мы стояли, обнявшись, смотрели в окно, и весь мир принадлежал только нам двоим. Потом я нарезала хлеб, ставила на стол тарелку с едой, и пока папа ел, мы болтали. Я рассказывала, как дела в школе и хвасталась оценками. Он тоже что-то рассказывал. Я могла рассказать ему абсолютно всё, он всегда был на моей стороне. Советовал, как лучше поступить в той или иной ситуации, поддерживал, когда нужно, вытирал мне слёзы, но чаще всего говорил: «Иди и обмишурься, так быстрее научишься». На самом деле он говорил другое слово, но оно не сильно красивое.

Папы уже давно нет, но он со мной до сих пор. Его музыка, его вера в меня. Иногда он меня не понимал, ведь мы полные противоположности: он - козерог, я - рак. Он логика и рациональность, сдержанный, выверенный, все эмоции спрятаны, любую нужно вытаскивать клещами, что практически невозможно, когда он не хочет их показать. Семь раз отмерь, один раз отрежь – это про него. Я абсолютная вода, эмоциональная, бурлящая, кипящая, часто переливающаяся через край. Я могу семь раз отрезать, ни разу не отме-

ря. А зачем? Я часто ловила на себе его задумчиво-удивлённый взгляд под приподнятыми бровями. И никогда не думала, что спустя много лет после папиного ухода я снова увижу этот взгляд. Но на лице абсолютно другого человека.

Я уже месяца три работала в московском представительстве мэрии Еревана, лет двадцать назад было такое в Москве. И не абы кем, а советником по культуре. Ни дня не жившая в Армении, не знающая ни слова по-армянски - и советник по культуре! У меня была визитка с золотым гербом, и я гордилась собой до поросячьих соплей. Когда папа спросил, как я туда попала, я ответила: «Позвонила в звонок». Это чистая правда. Я шла к метро, увидела знакомый герб. И позвонила в дверной звонок с вопросом «А чем вы тут занимаетесь?».

Представительство только открылось, о нем почти никто не знал, и посетителей встречали с интересом. Звонок был громким, на шум вышел сам глава представительства. Я сейчас вам опишу, как я выглядела, и тогда вы поймете, что меня ну никак не должны были взять на работу в такое место. Я ехала на рынок, одетая в стиле «жили мы бедно, а потом нас ограбили». Старые кроссовки, спортивные штаны, сумка-кенгуру и пальто на три размера больше. Вернее, пальто правильного размера, просто тогда была такая мода. Образ довершали связанные мамой шапка и шарф. Девушка-мечта. Когда мне открыли дверь, даже моё запредельное самомнение ухнуло куда-то в пятки. Всё было в дорогом кремовом мраморе. Кожаные диваны, стеклянные двери. Я стоя-

ла у подножия мраморной лестницы, глава стоял наверху. Очень символично. Мы поздоровались. Он представился, и спросил кто я такая.

- Я Ануш, - ответила я, не придумав ничего умнее.

Он усмехнулся и сказал, что это многое объясняет. Меня проводили в его кабинет, мы поговорили. Я пригласила его в посольство. Армянское естественно. Сейчас объясню. Всю свою сознательную жизнь я была московской армянкой. Единственной армянкой не только в классе, но и во всей школе, единственной армянкой не только в доме, но и во всём дворе. Но папа не очень хотел, чтобы я жила в Армении или общалась с армянами. С любыми, хоть из Баку, хоть из Тбилиси, хоть из Еревана. Он уехал из Баку в конце 1960-х годов, сначала в армию, потом уже в Москву. Приезжал в родной город, встречался с друзьями, но вернуться точно не хотел. И мне говорил: «Ты там не сможешь. Должно случиться что-то удивительное, ради чего ты туда переедешь». Для меня Армения с детства – волшебная, удивительная и немного запретная страна. И когда я стала совершеннолетней, все мои помыслы были только о том, как туда попасть. Запретный плод сладок.

По воле судьбы я познакомилась с Гагиком Габриеляном - царство небесное, - который работал в посольстве. И на общественных началах раз в месяц помогала ему делать там вечера. Мне за это не платили, но я была счастлива хотя бы немного побыть со «своими», прикоснуться к этой великой

культуре. Хотя бы на пару часов в месяц стать её частью. Мне было двадцать пять лет, я впитывала всё, как губка. И вот на один из таких вечеров в посольстве я и пригласила главу представительства. Я не знаю, что он тогда во мне разглядел. Но через неделю он пригласил меня в представительство и сказал: «Вот стол, вот компьютер. Зарплата 200\$, но это пока. На испытательный срок. Работаем?». Я была на тридцать седьмом небе от счастья. И безумно гордилась собой. Я была готова работать даже бесплатно, только за саму идею. Быть нужной Армении. Выступать от её имени. И вот, когда папа узнал, что я уже три месяца - советник по культуре в представительстве мэрии Еревана, он задал только один вопрос: «Как ты туда попала?». Просто для понимания: при всей своей невероятной щедрости, гостеприимстве, общительности – армяне очень закрытая нация. Они мало кому по-настоящему доверяют. Слишком много боли, предательства и несправедливости было в их истории. Поэтому ты либо свой - друг, сват, брат, - либо с тобой ничего непонятно. И просто так на такие должности не берут. Ты должна быть своя - дочь, жена, сестра, любовница на худой конец, - либо за тебя должны поручиться. Или заплатить. Ну или ты должна быть настолько невероятной и гениальной, настолько полезной армянскому народу, что тебя и вправду берут на работу не за красивые глаза, а за неоспоримые заслуги. Никаких неоспоримых заслуг у меня не было и в помине, и я не была чьей-то дочерью, сестрой или женой. За меня точно никто не поручался и не

платил. Что остаётся? В предположении папы – как раз тот самый худой конец. А по факту – моё фантастическое везение и доля здоровой наглости. Когда я сказала, что просто позвонила в звонок, папа сделал брови домиком и произнес: «Либо я отстал от жизни, и чудеса случаются, либо я чего-то о тебе не знаю».

Видимо, это какие-то мои собственные настройки и взаимоотношение с миром. Работая в мэрии и в посольстве, я никогда не пыталась выкручивать себе бонусы. Вся моя работа – только на благо Армении. И мне как юродивой пришлось то, что не пришлось остальным. Спустя почти двадцать лет мне было нужно сделать в посольстве вечер армянских вин, и моя подруга, которая долгое время работала в администрации президента России, спросила:

- А кто тебя туда пустит? У тебя есть контакт»

Я сначала не поняла вопрос.

- Какой контакт? Кто меня пустит куда?

Она пояснила:

- Это же посольство. Согласования. Протокол. У тебя есть контакт, кто даст тебе зелёный свет?

И тут я, мягко скажем, удивилась. Кто меня пустит? В посольство? Которое работает на благо людей, на укрепление связей между народами? Когда до меня дошел смысл её вопроса, моё возмущение взлетело до небес. Это не я ненормальная. Это люди во многом сильно подменяют понятия. Это ПОСОЛЬСТВО ДЛЯ ЛЮДЕЙ. А не люди для посоль-

ства. И кто это такой важный, кто не пустит меня в дом Лазарева, который был построен не для чиновников и послов. А для людей. Подруга pokrутила пальцем у виска и сказала: - Ну-ну.

Я даже не стала ей ничего объяснять. Вечер в посольстве я сделала. Меня зовут Ануш. И это многое объясняет. Папа часто удивлялся моей способности приземляться на все четыре лапы. Как у кошки. Его непробиваемая рациональность сопротивлялась долго. Но потом даже он смирился и просто направлял мою энергию в нужное ему русло. Мы были очень крутой командой. Земля и вода. Он меня заземлял. Я вносила в его четко выверенную жизнь немного эмоций и элемент неожиданности.

Он был человеком очень непростым. И всегда жил так, как ему было удобно и как он считал правильным. Вот, например. Папа приехал с дачи по своим делам. Я уже училась в институте и одновременно работала. Поэтому дома жила одна. Вся остальная семья была на даче. А папа приехал в Москву на неделе, ему нужно было в больницу. У нас тогда отключали горячую воду. На работу я ушла рано и не увидела объявление на двери подъезда, что сегодня горячую воду дадут. Иначе не замочила бы белье в ванной, а дождалась бы горячей воды. Приехал папа, увидев объявление, на всякий случай открыл кран с горячей водой. Наверное, он рассуждал так: чего постоянно бегать проверять? Он же услышит, когда пойдет вода. Нет чтобы отвести кран в раковину! Но,

видимо он решил, что, когда вода из крана будет хлестать по пододеяльникам и простыням, он её сразу услышит. Видимо, понадеялся на свой музыкальный слух, он же духовик, тромбонист, все дела. Тут не поспоришь.

Когда я прибежала домой - а чтобы вы понимали, у меня были куплены билеты в БЗК, и я, отпросившись с работы пораньше, примчалась домой быстро переодеться, - я была не готова с порога наступить ногой в воду. Духовик дрых без задних ног. И следующий час своей жизни я провела на карачках, ползая по квартире и собирая воду в вёдра. Я стянула все покрывала и пледы с диванов и кроватей, и возила ими по полу, чтобы они впитывали воду, отжимала их в вёдра, и снова ползала и вытирала. Когда в начале восьмого вечера я уже насухо вытирала пол в коридоре, из родительской спальни вышел заспанный папа, окинул сонным взглядом масштаб трагедии и, глядя на моё пылающее кострами революции лицо, невозмутимо сказал: «Ну наконец-то ты в кои-то веки как следует вымыла пол».

Это мой папа. Возмущаться, негодовать, злиться – бесполезно. Себе дороже. Если он решил, что в его косяках виновата ты, тебе проще согласиться. Он будет решать, что правильно и что неправильно, на том простом основании, что он мужчина. Помните, он же Гоша, он же Гога? Не зря папа и персонаж Алексея Баталова родились в один день. Всякий раз, когда я пыталась качать права, он молча подводил меня к окну нашей квартиры на пятом этаже, указывал на мусор-

ные баки внизу и говорил:

- Видишь картонную коробку от холодильника?

Я кивала. Он продолжал:

- Идёшь на помойку, берешь эту коробку, можешь взять себе подушку и одеяло из дома, я разрешаю. Утюг не отдам. А дальше – живи в этой коробке по своим правилам. Кор-ми себя сама, стирай одежду где хочешь, уроки делай где хочешь, живи как хочешь. Но пока ты живешь в моём доме, ты живёшь по моим правилам. Хочешь жить по своим – тебе вон в ту коробку.

Жестко? Да, бесспорно. Но если вы отец большой армянской многодетной семьи, вы не имеете права быть мягким. Иначе ваши же любимые чада раздерут вас на тысячу мелких клочков. Только спустя много лет я осознала и его мудрость, и его терпение. Его смирение и ответственность перед жизнью и перед нами, его детьми. Которых он хотел, которых любил беззаветно, и которым очень многое прощал. В которых обрел и свой дом, и свой мир. Я осознала всю его любовь и всё, что он делал для нас, даже не делая ничего, одним только своим присутствием рядом. На тендере в одной большой компании я заранее знала, что моя фирма не выиграет, но пришла, потому что так надо. И сидя за большим столом, в присутствии представителей еще трех компаний, одна из которых, как уже было ясно, станет безоговорочным победителем, я случайно прокомментировала музыку из колонки. Шло обсуждение музыкальной части, и заместитель гла-

вы компании, рассказывая про солиста, новую звезду, сказал, что это новый Гленн Миллер. Солист был трубачом. И я на автомате, даже не осознавая, что говорю это вслух, заметила, что в таком случае он должен быть тромбонистом, а не трубачом. Потому что Гленн Миллер был тромбонистом. За столом воцарилась гробовая тишина. Глава концерна посмотрел на меня заинтересованным взглядом. Попросил умную колонку Алису поставить его любимый трек и не моргая смотрел на меня: ну-ка проверим, как девушка разбирается в джазе. Я проклинала себя и свой язык и готова была провалиться сквозь землю. Я же по-прежнему не отличу «ми» от «ля». Когда зазвучала музыка, я опустила глаза, пытаясь сосредоточенно слушать. На меня смотрела вся переговорная в количестве десяти человек. Под ложечкой засосало, сердце стучало где-то в носу. Зазвучала очень знакомая мелодия, я сделала глубокий вдох. Память вернула меня в моё детство, на Шелепиху. Я увидела наш дом, нашу маленькую комнатку в коммуналке. Увидела подоконник, на котором стоял проигрыватель и рядом стопкой лежали пластинки. Мне очень живо представился конверт: на черном фоне крупным планом - лицо афроамериканца, который играет на трубе. Я открыла глаза и произнесла в гробовой тишине: Майлс Девис. Король блюза. Тендер выиграла моя компания. Хотя моей личной заслуги в этом нет. Мой папа вложил в меня столько любви и тепла, столько знаний, но и требовал от меня очень много, так что волей-неволей должна соответствовать. Даже

теперь, когда его больше нет с нами, он вытаскивает меня за ширку из самых непростых ситуаций. Оберегает и помогает.

По забавной случайности именно музыка Майлса Девиса звучит в фильме «Сбежавшая невеста». В эпизоде, когда героиня сама не знает, чего хочет и в каком виде любит яйца. Когда-то в юности, в момент моего наивысшего неприятия и армянского мира, и всех этих устоев, я выпалила папе:

- Я замуж за армянина не выйду никогда, даже не мечтай.

Пропадите вы все пропадом с вашими макардаками.

Папа внимательно на меня посмотрел и сказал:

- Я подожду. Вот увидишь, что так и будет.

И очень подробно описал мне моего будущего избранника. У отцов с дочерьми особенная связь. Девочка приходит в род отца, чтобы его усилить. И решать задачи именно отцовского рода. Я знала это с юности, когда увлеклась эзотерикой. И тогда же, лет двадцать назад, я сделала свою первую натальную карту. Тогда мне, неопиту, было абсолютно непонятно, что говорит мне астролог. Пять лет назад я снова сделала себе натальную карту: время идет, планеты движутся, и я уже знала об астрологии гораздо больше. Комментируя мой гороскоп, астролог сказала, что моя кармическая задача – Козерог. Я должна усиливать в себе его положительные черты – логику, рациональность, последовательность, структурность, упорство, приземлённость, - то есть те качества, которые у меня на нуле или в минусе. Тогда, пять лет назад, я не стала ничего уточнять, решив, что кармический козе-

рог, с задачами которого я пришла в этот мир – это мой папа. В этом году я сделала новую карту у другого астролога. Она очень подробно разъяснила мне каждый вопрос, связанный с работой, деньгами, здоровьем - попадание было сто-процентным. Когда мы дошли до личной жизни, она стала описывать человека, прописанного в моей карте - его характер, склад ума и даже род профессиональной деятельности, - и у меня по спине побежали мурашки. Она описала мне точную копию человека, которого мне напророчил отец. Я переваривала эту информацию несколько дней, и, что греха таить, старательно искала нестыковки. «Не может быть», - говорила себе я, находя очередное подтверждение. Похоже, мне было не отвертеться. Как говорится, от судьбы не уйдешь. Я часто в шутку говорила, что козероги - это моя карма. Я их не понимаю, они меня раздражают своим пессимизмом, своей подозрительностью, своим занудством и дотошностью. Я не понимаю, зачем дезинфицировать мыло и искать пятна на Солнце. Я знаю, о чем говорю: меня с детства окружали козероги, друзья, подруги, учителя, начальники. Но справедливости ради надо сказать, что эти люди - очень преданные, с большим сердцем, умеющие дружить, как мало кто умеет. Как оказалось, моя шутка про карму - не шутка. С того момента, как полгода назад мне сделали новую натальную карту, мне стало совсем не смешно. Я прошла все стадии: неприятие, гнев, отрицание, опустошение, смирение. Да, я смирилась. Потому что надо жить дальше, а снова хо-

дить по кругу - бессмысленно. Я наконец поняла всю логику и всю закономерность событий. Всё было так, как должно было быть. Да, я встретила отцовское «благословение» в реальной жизни. И моё отношение к нему сразу, по умолчанию, было запредельно доверительным. Потому что я сразу его узнала. Вернее, его узнала моя душа. А душа проходит много жизней, она гораздо мудрее нас. Меня совершенно не интересовало, кто и что про него говорит. Я знала, какой он на самом деле. Я приняла его безоговорочно и безусловно. У меня было чувство, что я нашла не только его, я нашла себя. Позже я заново переосмыслила тот этап моей жизни. У меня словно открылись глаза, и всё встало на свои места. Я поняла, откуда было это доверие, почему именно этому человеку я рассказывала о себе столько всего, почему ни с кем из моих друзей я не позволяла себе и сотой доли того, что разрешала себе с ним. Объяснение очень простое. Так было записано на скрижалях вечности. С этой записью я пришла в мир. Я приняла это и успокоилась. Да, о многом я сожалею. Если бы я тогда знала то, что знаю сейчас, мне было бы легче. Но тогда меня унесло к ложным берегам самокопания, а потом, закономерно, началась великая буря. И всё стало неважным, кроме одного. Выжить. Суть бури не в самой буре, а в том, что, пережив её, ты уже не будешь прежней. В этом и заключался урок. Который я тогда не усвоила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.